

Таисия Логовская

Рядом, не впереди

18+

Таисия Логовская

Рядом, не впереди

«Автор»

2026

Логовская Т.

Рядом, не впереди / Т. Логовская — «Автор», 2026

Марине сорок два, и она привыкла быть нужной. В ветеринарной операционной это профессия. Рядом с шестидесятисемилетним отцом — привычка, от которой он давно устал. Олегу сорок шесть. Он руководит спасательной сменой и умеет просчитывать риски. Только его восемнадцатилетняя дочь, собирающаяся учиться в Петербурге, называет такую заботу контролем. Они встречаются в многодневном походе по Карелии. За последней лесовозной дорогой обычного выхода с маршрута уже не будет — и именно там Марина и Олег начинают замечать друг в друге то, чего не хотят видеть в себе. Чтобы быть вместе, им придётся научиться самому трудному: не спасать без просьбы, не решать за другого и оставаться рядом, когда близкий выбирает собственную дорогу. «Рядом, не впереди» — современный любовный роман о зрелой любви, доверии и свободе, с карельской тайгой, медленным сближением и взрослыми героями, которым действительно есть что терять.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рядом, не впереди

Глава 1

Марина

Дизельный микроавтобус высадил нас у дощатого забора турбазы, кашлянул сизым дымом в сырой сосновый воздух и сразу уехал, оставив в ушах звенящую, густую тишину. Дорога от райцентра заняла почти пять часов — по грунтовке, где ямы засыпали крупным гравием вперемешку со строительным мусором, и теперь земля под ногами казалась слишком неподвижной, почти чужой.

— Ну вот, — отец сбросил свой брезентовый, повидавший виды рюкзак на деревянный настил веранды. Рюкзак глухо стукнул о доски, звякнули притороченные сбоку колышки. — Доехали. А ты всю дорогу сидела с таким лицом, будто нас везут сдавать в утиль.

— Я просто смотрела за дорогой, пап, — ответила я, снимая свой семидесятилитровый «анатомик». Плечи под лямками взмокли, ткань ветровки липла к лопаткам. — Водитель дважды вылетал на встречную полосу на поворотах.

— На какой встречной, Марина? Там полторы лесовозные колеи на двадцать километров вокруг. Кого он там встретит, глухаря?

Отец уже расстегивал верхний клапан. Движения у него были скупые, вьевавшиеся в мышцы за сорок лет полевых партий: потянуть шнур, выщелкнуть пластиковый фастекс, не глядя сунуть руку в боковой карман за складным ножом. Ему было шестьдесят семь. Сухой, жилистый, с седой щетиной, которую он брил через день старой безопасной бритвой, и той упрямой осанкой геолога советской закалки, которая не сгибается даже тогда, когда подводит поясница.

Я подошла ближе, чувствуя привычный, знакомый до тошноты зуд под ребрами — желание перепроверить.

— Наколенник достал?

Отец замер, держа в руках эмалированную кружку. Металл кружки был местами сколот, обнажая темный грунт. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня снизу вверх — с тем спокойным, глухим раздражением, которое копилось между нами последние года четыре, аккуратно с тех самых пор, как мамы не стало.

— Марина. Наколенник лежит во внутреннем кармане, вместе с эластичным бинтом и мазью. Как ты велела три дня назад. И вчера вечером. И сегодня утром на вокзале.

— Я просто напоминаю. Здесь влажно, к ночи будет около четырех тепла. Твое правое колено на сырость реагирует первым.

— Мое правое колено шло через Полярный Урал, когда тебя еще в планах не было, — ровно проговорил он и демонстративно отвернулся, вытаскивая из недр рюкзака смену сухого белья. — Иди лучше чай попей. Вон там, на кухне, титан шипит. Не суетись.

Я сжала пальцы в карманах куртки. В кармане нащупался пластиковый блистер с диклофенаком — я сунула его туда перед самым выходом из дома, зная, что отец наотрез откажется брать «химию», если я положу ее в общую аптечку.

«Не суетись». Легко сказать. В операционной городской ветеринарной клиники, где я проводила по десять часов в сутки, суета стояла чужой жизни. Там всё подчинялось алгоритмам: шовный материал, расчет наркоза по массе тела, мониторинг дыхания, стерильное поле. Мир держался, пока ты контролировал каждый миллиметр пространства. А здесь, на краю карельской тайги, алгоритмов не было. Было мокрое дерево, низкое серое небо, которое цеплялось брюхом за верхушки елей, и пожилой человек с упрямым взглядом, решивший доказать себе, что он всё еще может пройти сто тридцать километров по пересеченной местности.

Скрипнула калитка. Во двор базы ввалились остальные участники группы. Всего нас было пятеро, не считая инструктора.

Впереди шла девушка лет восемнадцати в яркой мембранной куртке цвета брусники. На груди у нее болтался тяжелый профессиональный фотоаппарат в резиновом чехле. Лицо у нее было бледное после тряски в уазике, темные волосы выбились из-под капюшона, но подбородок она держала высоко, словно защищалась от любого непрошеного участия.

За ней шел мужчина. Высокий, плотный, в темной функциональной штормовке без лишнего шнурка или яркого логотипа. На вид ему было около сорока пяти или сорока шести. Короткая стрижка, заметная седина на висках, спокойное, обветренное лицо человека, который слишком привык к плохой погоде, чтобы обращать на нее внимание. Он нес тяжелый станковый рюкзак так легко, будто тот был набит поролоном, а в руке держал чехол со штативом.

— Соня, не бросай чехол на мокрую траву, — негромко сказал он. Голос у него был глуховатый, низкий, с очень четкой, собранной артикуляцией. — Положи под навес.

— Пап, я знаю, куда положить штатив, — огрызнулась девушка, не оборачиваясь, но чехол все-таки донесла до крыльца. — Он непромокаемый.

Мужчина только покачал головой, поставил свой рюкзак на ступени и огляделся. Взгляд у него был цепкий, оценивающий: он сразу зафиксировал выходы с территории, наклон крыши, место слива дождевой воды и людей. Когда его глаза скользнули по мне, я невольно выпрямилась. В этом взгляде не было оценивающего мужского интереса, скорее профессиональная привычка сканировать пространство на предмет помех или угроз.

Следом поднялся еще один участник — коренастый мужчина лет под шестьдесят в очках в роговой оправе, тяжело дышавший и вытиравший шею клетчатым платком. Это был Виктор, бухгалтер или финансист на пенсии, как он успел отрекомендоваться еще на вокзале.

Последним во двор вошел Кирилл Молчанов — наш гид. Ему было около тридцати пяти, худощавый, бородатый, с цепкими серыми глазами и повадками человека, который водит коммерческие группы в тайгу десятый сезон подряд и давно потерял иллюзии насчет человеческой разумности.

— Так, народ, сгружаем снарягу под навес, — скомандовал Кирилл, скидывая на стол объемный баул с групповой едой. — У нас сорок минут до темноты. Быстро распределяем палатки, проверяем раскладку, ужинаем и садимся за карту. Инструктаж обязательный для всех, даже для ветеранов геологоразведки.

Отец на эти слова только усмехнулся в бороду, продолжая выкладывать вещи на грубый дощатый стол.

Я подошла к нему, пока остальные разбирали чайники и термосы.

— Пап, давай сюда тушенку. Я заберу три банки. У меня объем позволяет, центр тяжести будет правильнее.

Я потянулась к тяжелому жестяному свертку, который отец только что извлек из клапана.

— Марина, оставь, — резко сказал он и перехватил мою руку за запястье. Хватка у него оставалась сухой и жесткой. — Я распределил свой вес. Я знаю, сколько могу нести.

— Ты несешь почти двадцать два килограмма! — повысила я голос, стараясь говорить шепотом, чтобы не привлекать внимания, но раздражение прорвалось наружу. — Если нога не выдержит на второй день, мы никуда не пойдем.

— Я сам решу, что я убью, а что нет. Перестань меня пастить. Я не в стационаре.

— Ты ведешь себя безответственно!

— Если человек сам собрал рюкзак, лучше дать ему нести свой вес.

Голос прозвучал совсем рядом, над моим плечом. Я вздрогнула и обернулась.

Тот самый мужчина — отец брусничной девочки — стоял в двух шагах, прислонившись к деревянному столбу веранды. Он уже успел сменить тяжелые трекинговые ботинки на легкие

походные тапочки, держал в руке металлическую кружку с кипятком и смотрел на нас без всякого стеснения. Спокойно, прямо, чуть прищулив серые глаза.

— Простите? — я холодно посмотрела на него снизу вверх.

— Я говорю: оставьте ему его вес, — повторил он ровным тоном, отпивая глоток. — Мужчине тяжело, когда у него на глазах у всех забирают вещи из рюкзака. Даже если это делает любящая дочь. На второй день перехода вы оба будете злиться: он — потому что чувствует себя немощным, вы — потому что устали тащить чужую долю.

Жар ударил в лицо от такой бесцеремонности.

— Вы, кажется, не наш инструктор, чтобы давать советы по логистике, — отрезала я.

— Не инструктор, — согласился он, даже не подумав смутиться. — Олег.

— Марина. И мы с отцом как-нибудь сами разберемся с нашим багажом.

— Разумеется, — Олег чуть наклонил голову, и в уголках его глаз залегли мелкие морщинки, но улыбки на лице не появилось. — Только спорить у стола перед выходом — плохая примета. Тайга не любит нервных.

Он повернулся и неторопливо пошел к дальнему краю навеса, где его дочь Соня яростно вкручивала объектив в камеру, делая вид, что весь этот мир ее совершенно не касается.

— Вот видишь, — тихо, но ехидно прошептал отец мне в ухо. — Даже посторонние люди видят, что ты меня душишь.

Я отдернула руки от его рюкзака. Пальцы мелко дрожали от злости и той глухой, беспомощной обиды, которая всегда накатывает, когда твоя забота оказывается никому не нужной обузой. Хлопнула металлическая крышка титана на общей кухне, запахло заваренным в эмалированном ведре чаем с мятой и смородиновым листом.

Через полчаса Кирилл собрал всех за большим столом под навесом. На середину легла заламинированная карта-километровка, прижатая по углам банками сгущенки и карманным фонариком. Над головами горела тусклая электрическая лампа в проволочном каркасе, вокруг нее вились первые ночные мотыльки. Становилось по-настоящему холодно; дыхание вырывалось из рта прозрачным паром.

— Значит так, бойцы, — Кирилл обвел группу взглядом, постукивая по столу шариковой ручкой. — Наш маршрут называется «Северная дуга». Категория сложности первая с элементами второй. Восемь ходовых дней, сто тридцать километров общего трека. Рельеф смешанный: тайга, моренные гряды, верховые болота с настилами и без, два брода. Завтра в восемь утра выходим.

Он провел ручкой по синей извилистой линии на карте.

— Первые три дня идем вдоль цепочки озер. Тропа читаемая, перепады высот небольшие. Это время на вкатывание. Если у кого-то проблемы с обувью, со связками, с дыхалкой — всё вылезет именно здесь. Не геройствовать, темп держим средний. И самое главное, слушайте сюда внимательно.

Кирилл ткнул кончиком ручки в жирную черную черту, пересекавшую пунктир маршрута ровно посередине листа.

— Четвертый ходовой день. Вот эта точка. Старая лесовозная дорога, урочище Сухой Ручей. К вечеру четвертого дня мы встаем лагерем рядом с ней.

— Там есть связь? — быстро спросил Виктор, поправляя очки.

— Связи там нет. Но туда раз в неделю приходит дежурный вахтовый «Урал» от лесничества — завозит припасы на кордон и забирает лесников на пересменку. Машина будет стоять на развилке ровно до шести утра пятого дня. Это наша контрольная точка.

Кирилл поднял глаза, и его взгляд стал жестким, лишенным обычной походной веселости.

— Я называю это последней дорогой. Если к вечеру четвертого дня кто-то поймет, что не тянет темп, что нога не держит, спина отваливается или просто кончился порох — вы сяди-

тес в эту машину и уезжаете в райцентр. Без обид, без штрафов, с чистой совестью. Потому что утром пятого дня машина уходит. И как только ее задние фары скроются за поворотом, маршрут переходит в полностью автономный режим.

— В смысле — полностью? — подала голос Соня, на мгновение оторвавшись от видеискателя камеры.

— В прямом, — отозвался Кирилл. — Дальше тропа уходит в скальный массив. Слева — непроходимые топи, справа — озерная система. Выходов на грунтовки нет. Населенных пунктов нет. До самого финиша сойти с маршрута обычным порядком будет невозможно.

— А если ЧП? — спросила я, чувствуя, как внутри всё сжалось в тугой узел.

— Если ЧП — перелом позвоночника, пробитая голова, аппендицит — я включаю спутниковый аварийный маяк, — терпеливо объяснил гид, посмотрев мне прямо в глаза. — Прилетит борт санавиации или МЧС. Но это спасательная операция. Вертолет не летает за теми, у кого натерлись пятки или кто «устал и хочет к маме». Понятно объясняю? Последняя плановая возможность выйти ножками и на колесах — утро пятого дня на лесовозке. Дальше — только вперед. До самого конца.

Я невольно посмотрела на отца. Он сидел, скрестив руки на груди, и внимательно разглядывал синюю нитку маршрута за черной полосой дороги. Лицо его было абсолютно спокойным. Ни тени сомнения, ни капли страха. Он словно уже видел себя там, среди этих скал и топей, куда не доедет ни одна машина.

«Четыре дня», — подумала я. У меня есть ровно четыре дня, чтобы следить за каждым его шагом, проверять походку, считать привалы и заставить его признать, если сустав начнет сдавать. На четвертый день он должен сам понять, что дальше идти нельзя.

— Олег, — Кирилл повернулся к мужчине с седыми висками. — Ты у нас человек опытный, профессионал. Если на маршруте возникнут вопросы по первой помощи или страховке на бродях — рассчитываю на твою оценку. Но решения по группе, скорости и направлению принимаю я. Договорились?

— Без вопросов, Кирилл, — коротко кивнул Олег. Голос его звучал ровно и деловито. — Твой маршрут — твои правила. Я здесь на общих основаниях. В роли сопровождающего.

Он покосился на дочь, но Соня демонстративно разглядывала свои походные ботинки, крутя на пальце ремешок от камеры.

— Отлично, — подытожил Кирилл, сворачивая карту в рулон. — Правило простое: каждый отвечает за свое снаряжение, за свою обувь и за свои решения. В чужие рюкзаки без спроса не лезем, чужую ношу без команды не перекладываем. Взрослые люди. Всё, ужинать и спать. Подъем в шесть тридцать.

Народ зашевелился, поднимаясь со скамеек. Зазвенели миски, поплыл густой запах гречневой каши с тушенкой.

Я встала, чувствуя, как холодный воздух пробирается под куртку. Отец уже взял свою миску и направился к котелку, шагая широко и уверенно, словно нарочно демонстрируя безупречную работу суставов.

Я подошла к краю веранды, глядя в темноту, где стеной стояли черные карельские сосны. В пяти метрах от меня, привалившись к перилам, стоял Олег. Он не ел, просто курил тонкую темную сигариллу, пряча огонек в кулаке по старой полевой привычке. Запах пряного табака смешивался с ароматом мокрой хвои.

— Вы зря так уверены, что всё знаете про чужие семьи, — тихо сказала я, глядя прямо перед собой в темноту.

Олег не вздрогнул. Он медленно выпустил полоску сизого дыма, который тут же растаял в сыром воздухе.

— Я ничего не знаю про вашу семью, Марина, — ответил он спокойно, не поворачивая головы. — Зато я много раз видел людей, которые пытаются тащить на себе двоих. Они падают первыми.

— Мой отец четыре года живет один после смерти мамы, — слова вырвались раньше, чем я успела себя остановить. Какая-то злая, горячая волна толкнула их наружу. — Он делает вид, что ему ничего не нужно, а сам забывает выпить таблетки от давления и выходит чинить крышу на даче со стремянкой, которая шатается от ветра. Вы считаете, я должна просто стоять и смотреть, как он калечится?

Олег помолчал. Пепел на конце сигариллы тлел ровным рубиновым светом.

— Нет, — наконец сказал он. Голос был тяжелым, спокойным, без попытки уколоть. — Стоять и смотреть не надо. Надо идти рядом. Но пока вы пытаетесь нести его рюкзак вместо него, он будет доказывать вам, что сильнее вас. Назло. До самого разрыва связок. Мужчины в шестьдесят семь устроены довольно примитивно, поверьте.

Я повернулась и посмотрела на него. В тусклом свете лампы его профиль казался высе-
ченным из серого гранита: четкая линия челюсти, глубокая складка у рта, внимательные, чуть усталые глаза. В нем не было самодовольства знатока чужих душ. Он говорил это не для того, чтобы уколоть меня, а так, словно констатировал очевидный физический закон — вроде силы тяжести или точки замерзания воды.

И именно это задело сильнее всего. Он попал в самую точку, прямо в нерв, и я знала, что он прав. Отец действительно шел в этот поход назло моим бесконечным звонкам, моим визитам с контейнерами еды и моим попыткам контролировать каждый его день.

— А ваша дочь? — спросила я, кивнув в сторону комнаты, где мелькала брусничная куртка Сони. — Она тоже идет назло вам?

Олег на мгновение замер. Рука с сигариллой опустилась. Он повернул лицо ко мне, и на долю секунды в его глазах промелькнуло что-то живое, острое и очень уязвимое, надежно спрятанное под маской спокойствия.

— Соня идет, потому что имеет право идти, — ровно ответил он и затушил окурок о край консервной банки, стоявшей на перилах. — Доброй ночи, Марина. Высыпайтесь. Завтра будет тяжелый день.

Он развернулся и ушел в дом, мягко прикрыв за собой тяжелую деревянную дверь.

Я осталась одна на веранде. Ветер шевелил верхушки сосен, далеко внизу глухо плескалась о берег озерная вода. Воздух пах остывающей землей и приближающимся дождем.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы хирурга, привыкшие держать скальпель и накладывать глухие швы, сейчас были пустыми. Завтра начинался маршрут. И впервые за четыре года мне предстояло идти за человеком, которого я боялась потерять больше всего на свете, зная, что я не имею права вырвать у него из рук его собственный груз.

Впереди было четыре дня пути. А за ними — лесовозная дорога, после которой повернуть назад уже не получится.

Глава 2

Марина

К восьми утра туман над озером не рассеялся, а только поднялся выше, повиснув в ветвях прибрежных сосен мутной, сырой ватой. Воздух обжигал ноздри холодком — градуса четыре, не больше. От бревенчатых стен базы пахло остывшей печной гарью и мокрой дранкой.

Кирилл вывел нас со двора без лишних напутствий. Просто проверил, как затянуты стропы на рюкзаках у новичков, поправил грудную стяжку Виктору, который уже успел вспотеть, пока шнуровал свои новенькие кожаные ботинки, и махнул рукой в сторону еле заметной тропы, уходящей в черничник:

— Втягиваемся. Первые сорок минут идем молча, ловим ритм дыхания. Шаг короткий, на пятку резко не падать, бережем ахиллы.

Тропа сразу взяла чуть в гору, петляя между замшелыми валунами и скользкими, вылезшими из земли еловыми корнями.

Я шла четвертой. Впереди меня размеренно двигался отец.

За годы работы в хирургии у меня выработалась дурная профессиональная привычка: я сканировала любое живое тело на предмет скрытой патологии. Когда в клинику приводили собаку, я еще до того, как хозяин открывал рот, видела, на какую лапу падает вес при развороте, зажата ли поясница, ровно ли поднимаются ребра на вдохе. С людьми было то же самое, только еще хуже.

Сейчас я неотрывно смотрела на спину отца.

Старый брезентовый рюкзак сидел на нем кривовато — левая лямка была подтянута чуть туже правой, из-за чего отцовское плечо слегка задиралось вверх. Он шагал широко, по-стариковски основательно вбивая в мягкую лесную подстилку концы трекинговых палок с потертыми пробковыми рукоятками. Правая нога ставилась чуть осторожнее левой. Едва заметно, на доли секунды дольше задерживаясь на фазе опоры, словно он бессознательно прощупывал подошвой грунт, прежде чем перенести центр тяжести.

«Колено, — застучало у меня в висках. — Он уже его бережет. Мы не прошли и двух километров, а он уже разгружает сустав».

Я прибавила шаг. Мой собственный рюкзак еще казался чужим, неповоротливым грузом: тяжелая нижняя часть отдавала в крестец при каждом толчке, а клапан норовил зацепиться за свисающие еловые лапы.

— Пап, — позвала я вполголоса.

Отец не обернулся. Только палки в его руках стали втыкаться в мох чуть резче.

— Пап, подожди полминуты.

Он остановился у развилки тропы, где земля уходила вниз, к заболоченной низине, и повернулся вполоборота. Лицо у него было красным от быстрой ходьбы, на висках блестели капли пота, седые брови сошлись к переносице.

— Что стряслось, Марина? Шнурок развязался?

— Давай левую лямку отпущу на сантиметр. У тебя перекос по диагонали, рюкзак съезжает вправо, вся нагрузка идет на больное колено.

Я уже протянула руку к черной капроновой ленте на его плече, но отец сделал резкий шаг назад, едва не задев палкой ствол березы.

— Марина, прекрати.

— Я просто хочу поправить стропу! Тебе же неудобно!

— Мне удобно, — отчеканил он глухим, жестким голосом. — Мне совершенно нормально. Я так ношу этот мешок с семьдесят шестого года. Перестань дышать мне в затылок.

— Ты хромаешь, пап. Я сзади иду и вижу, как ты бережешь правую ногу.

Отец посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его серых глазах стояла бесконечная, глухая усталость человека, которому не дают спокойно пройти по собственной земле.

— Мы вышли ровно тридцать пять минут назад, — негромко сказал он. — Я не хромаю. Я выбираю, куда ставить ногу, потому что здесь камни покрыты мокрой слизью. Если ты собираешься следующие восемь дней считать каждый мой миллиметр, иди вперед. К Кириллу. Или назад, к Виктору. Но не стой надо мной.

Он развернулся и пошел дальше, даже не отряхнув рукав от прилипшей хвои.

Я замерла посреди тропы. Пальцы в тонких ходовых перчатках судорожно сжались вокруг рукоятей моих собственных палок. Горло перехватило сухой, злой волной. Мне хотелось догнать его, схватить за этот треклятый брезент, заставить сесть на бревно и показать ему колено, доказать, что я права. Что я не просто так зужу над ухом, что я хирург, черт возьми, и слишком хорошо знаю цену перегрузке.

«Он имеет право идти так, как хочет, — заставила я себя выдохнуть, глядя под ноги, на серый гранитный обломок, треснувший пополам под давлением корней. — Он взрослый человек. Сам отвечает за свое снаряжение. Так сказал гид».

Сзади захрустели ветки. Я сделала шаг в сторону, пропуская Виктора. Тот шел тяжело, мелкими шажками, шумно втягивая носом воздух, но упорно улыбнулся мне уголком рта:

— Хорошо идем, Марина Павловна. Воздух какой... прямо хоть на хлеб мажь.

— Отличный воздух, Виктор Сергеевич, — отозвалась я механически.

За Виктором шла Соня.

Девушка двигалась на удивление легко, пружиня на носках, словно тяжелый рюкзак за ее спиной ничего не весил. Но лицо у нее было напряженным, застывшим. Резиновый чехол камеры бил ее по ребрам при каждом шаге, но она даже не пыталась придержать его рукой. Пальцы правой руки были заняты другим: она то и дело доставала из нагрудного кармана телефон, щелкала кнопкой блокировки, смотрела на пустой индикатор сети в верхнем углу экрана и прятала аппарат обратно.

Следом за ней, метрах в трех, замыкая нашу небольшую колонну, шел Олег.

Он нес самый большой рюкзак в группе, но шел так, будто просто прогуливался по городскому парку: ровная спина, спокойное глубокое дыхание, взгляд скользит по тропе, цепляя заломы на деревьях и свежие следы на грязи.

— Соня, убери телефон, — негромко произнес он.

Голос звучал спокойно и монотонно — с уверенностью человека, который повторяет команду в десятый раз и не сомневается, что ее обязаны выполнить.

Соня не остановилась и даже не повернула головы.

— Он мне не мешает.

— Ты споткнешься на корнях. Связи не будет до самого перевала, мы это на базе обсуждали. Не трать батарею.

— Я просто смотрю время, пап.

— У тебя на руке механические часы. С фосфорными стрелками.

Девушка резко затормозила. Подошвы ее вибравов с визгом проехали по мокрому мху, обнажив скользкую черную жижу. Олег среагировал мгновенно: его рука в плотной рабочей перчатке перехватила ее за плечевую лямку, не дав завалиться набок.

— Осторожно.

Соня дернула плечом, сбрасывая его ладонь. Движение было резким, почти злым — так подростки сбрасывают руку родителя, когда их пытаются погладить по голове при посторонних.

— Не трогай меня! — крикнула она. Голос сорвался на визг и тут же потонул в густой тишине тайги. Впереди шедший Виктор споткнулся и оглянулся, испуганно моргая через запотевшие стекла очков. — Я не маленькая! Я сама могу удерживать равновесие!

Олег не отступил, но руки убрал, опустив их вдоль бедер. Лицо его оставалось совершенно невозмутимым, словно перед ним была не разъяренная дочь, а внезапно сошедший со склона пласт мокрого снега, против которого бессмысленно спорить.

— Ты несешь семьдесят литров за спиной, Соня. Центр тяжести смещен. Если ты отвлекаешься на экран, ты не видишь опоры под ногами.

— Я сама знаю, на что мне отвлекаться! — она сунула телефон в карман и с силой застегнула молнию. Зубчики заскрежетали. — Ты обещал, что это будет нормальный поход. А ты опять ведешь себя так, будто я стажер на учениях! Шаг влево, шаг вправо... Достало!

Она развернулась и почти побежала вперед по тропе, неуклюже переваливаясь под весом рюкзака.

Олег остался стоять на месте.

Я оказалась ровно между ними — в трех шагах от Олега, прижавшись спиной к шершавому стволу старой сосны, чтобы дать Соне проскочить.

Вблизи было видно, как под темной тканью куртки у Олега тяжело ходят желваки на челюсти. Он стоял неподвижно, глядя в спину убегающей дочери, и в этой неподвижности сквозило такое знакомое, такое понятное мне бессилие, что под ребрами болезненно сжалось.

Он не был похож на тирана. Он не кричал, не замахивался, не пытался унижить ее перед чужими людьми. По тому, как он цеплялся за каждую мелочь, мне казалось: он просто боялся. Боялся, что она подвернет ногу. Боялся, что она выронит дорогую камеру. Боялся этой дурацкой, невидимой переписки в телефоне, которая явно тянула ее мысли куда-то далеко отсюда, в место, где он уже не мог ее подстраховать. Возможно, он искренне считал, что спасает ее. Каждым своим замечанием, каждым «убери», «положи», «застегни».

«Господи, — подумала я, и холодная, колючая мысль обожгла изнутри. — Да ведь со стороны это выглядит именно так».

Не забота. Не любовь. А душный, методичный, не дающий продохнуть конвой.

Я вспомнила свое собственное: «Наколенник достал?», «Давай я заберу тушенку», «Ты хромаешь, я же вижу». Вспомнила потемневшие глаза отца и то, как он отшатнулся от моей руки на тропе всего десять минут назад.

Я стояла и смотрела на Олега, чувствуя, как краска стыда заливает щеки под капюшоном. Мне до судороги в пальцах захотелось подойти к нему и сказать: «Оставьте ее в покое. Перестаньте лезть. Вы же делаете только хуже, разве вы не видите?»

Слова уже вертелись на языке — правильные, резкие, обличительные слова.

Олег медленно повернул голову и посмотрел на меня.

Взгляд его серых глаз был прямым и холодным. Он перехватил мой взгляд, зафиксировал открытый рот, мою напряженную позу и чуть заметно приподнял бровь. Словно говорил: «Ну давай. Скажи мне то же самое, что я сказал тебе вчера на веранде. Попробуй».

Я сглотнула вязкую слюну.

Горло пересохло. Воздух вокруг нас пах сырым багульником и прелыми листьями — терпкий, тяжелый настой, от которого слегка кружилась голова. Где-то впереди слышался голос Кирилла: «Группа, тормозим! Привал пять минут, пьем воду!»

Я не сказала ничего.

Просто закрыла рот, опустила глаза и молча шагнула вперед по тропе, обходя Олега по широкой дуге через заросли черничника.

Сзади раздался спокойный голос Кирилла:

— Всё в порядке, Олег?

— В штатном режиме, — отозвался спасатель. Голос звучал абсолютно ровно. — Идем дальше.

На привале группа сгрудилась возле огромного валуна, поросшего сухим серым лишайником. Кирилл сидел на бревне, сверяясь с навигатором. Виктор жадно пил воду из фляжки,

расплескивая ее по подбородку. Соня сидела поодаль, на сухом пне, отвернувшись от всех, и яростно ковыряла палочкой кору. Телефон лежал у нее на коленях — экраном вниз.

Отец стоял чуть в стороне, опершись на палки. Он расстегнул ворот штормовки, дышал глубоко, но ровно.

Я достала из бокового кармана свою бутылку с водой. Вода отдавала резиной питьевой системы, была ледяной, зубы ломило от первого же глотка.

Ноги гудели от непривычной нагрузки — подъем по корням давал о себе знать, поясница ныла, прося скинуть тяжесть. Но внутри ныло сильнее. Привычный механизм — подойти, проконтролировать, исправить, подстелить соломку — буксовал вхолостую. Мне физически было плохо от того, что я не проверяю отца. Мозг подсовывал картинки: вот он оступается на спуске, вот связка трещит, вот мы сидим на мокрых камнях и ждем тот самый аварийный вертолет, о котором говорил Кирилл...

«Спросить, — вспомнила я вчерашний разговор. — Только если есть повод. Только когда спросят».

Я сделала еще один глоток, закрутила крышку и подошла к отцу.

Он не шелохнулся, только скосил глаза в мою сторону, готовый снова держать оборону. Плечи под брезентом напряглись.

— Воды хочешь? — спросила я как можно спокойнее. Без интонации санитарки. Просто вопрос.

Отец помолчал пару секунд, словно выискивая в моих словах скрытую ловушку или подготовку к лекции о режиме при старой травме колена.

— У меня в термосе морс остался с утра, — ответил он негромко. — Холодную пока не хочу, горло перехвачу.

— Поняла.

Я не стала проверять, сколько он выпил и сколько там осталось. Просто кивнула и отошла обратно к своему рюкзаку, прислоненному к валуну.

Отец посмотрел мне вслед. Я видела краем глаза, как разгладилась глубокая складка между его бровей. Казалось, он приготовился защищаться, а удара не было. И в этой наступившей тишине ему не пришлось доказывать, что он в порядке.

Чуть дальше, метрах в пяти, стоял Олег. Он не присел, не скинул рюкзак — просто ослабил поясной ремень и пил чай из крышки термоса. Он смотрел прямо на меня поверх жестяного ободка.

Во взгляде стояла напряженная сосредоточенность человека, который увидел, как чужая рука остановилась в миллиметре от оголенного провода под напряжением.

Он молча отсалютовал мне кружкой с парящим чаем — короткий, едва заметный жест на уровне груди — и снова повернулся к тропе.

— Под рюкзак! — скомандовал Кирилл, убирая навигатор в чехол. — Впереди ручей и гать через моховое болото. Идем цепочкой, дистанция два метра, палками в настил не тыкать, застрянут между бревен.

Я подошла к своему рюкзаку, вдела руки в лямки и рывком забросила тяжесть на спину. Щелкнула пряжка на поясе.

Отец уже уходил по тропе в своем собственном, не идеальном, но уверенном ритме. Я взялась за палки и пошла следом. Мой рюкзак лежал на моих плечах, его — на его.

Глава 3

Марина

Озеро открылось внезапно, за полосой кривых низкорослых берез. Серая, маслянистая на вид вода лежала неподвижно, отражая такое же белесое, набрякшее влагой небо. Пахло тиной, прелым листом и близкой большой сыростью.

— Пришли, — Кирилл скинул рюкзак прямо на гранитную плиту, уходящую пологим лбом в воду. Рюкзак тяжело ухнул, отпружинив лямками. — Стоянка «Медвежий мыс». Семнадцать километров от старта. До темноты полтора часа, и, судя по верхушкам сосен, минут через двадцать нас накроет.

Я опустила свой мешок на сухое пятно мха, чувствуя, как плечи и поясница тут же отозвались тупой, ноющей пустотой. Тело еще продолжало по инерции покачиваться, подстраиваясь под тяжесть, которой больше не было. Ноги гудели.

Небо над озером стремительно темнело, натягивая снизу рваную свинцовую пелену. Первая капля упала мне на щеку — крупная, холодная, словно растаявший град. Следом зашелестело по сухим веткам брусничника: сначала редко, потом всё гуще и монотоннее.

— Так, распределяемся, — Кирилл уже стягивал непромокаемый чехол с группового баула. — Сначала палатки, потом костер и кухня. Виктор, бери растопку, вон под теми сушинами еще сухо, наломай нижних веток потоньше. Соня, помоги отцу с дровами. Марина, Павел... ну, вы сами разберетесь.

Отец уже расстегивал клапан своего брезентового монстра. Движения у него были чуть замедленными — спина за шесть часов ходьбы явно одеревенела, — но он упорно делал вид, что бодр и свеж. Извлек из недр плотный чехол со своей старой двухместной каркасной палаткой, повертел в руках и зашагал к невысокому холмику, на котором росла раздвоенная береза.

Я проводила его взглядом и мгновенно, на автомате, оценила рельеф.

— Пап, стой, — вырвалось у меня раньше, чем я успела прикусить язык.

Отец остановился, не оборачиваясь. Плечи под мокрой штормовкой едва заметно дернулись.

— Что?

Я подошла ближе, стараясь шагать мягко, без командирского напора, хотя внутри всё уже привычно сжималось в комок.

— Не ставь там. Земля идет с уклоном к корням березы. Если дождь разойдется, вода с холма пойдет аккуратно под твоё дно. Будешь спать в луже. Вон там, чуть левее, площадка среди сосен — там подушка из хвои, вода сразу уйдет в песок, и ветра меньше.

Отец медленно повернулся. Лицо у него было серое от усталости, вокруг губ залегли глубокие тени, но подбородок торчал всё так же упрямо.

— Под соснами смола, — ровно сказал он. — Капнет на тент — потом ничем не отчистишь, ткань испортится. А здесь корни березы держат грунт. Ничего тут не потечет, уклон всего два градуса.

— Папа, грунт глинистый! Он не впитает! Ты промокнешь к полуночи, спальник отсыреет, а утром ты не сможешь разогнуть колено. Давай я помогу перенести, это две минуты.

Я уже протянула руку, чтобы забрать у него чехол с дугами. Пальцы коснулись мокрой ткани.

Отец не стал вырывать палатку. Он просто разжал руки. Чехол глухо шлепнулся в траву между нами.

— Забирай, — тихо сказал он. Голос прозвучал сухо и пусто, с горечью, от которой стало не по себе. — Ставь где хочешь. Руководи. Можешь колышки сама вбить, у тебя же лучше получается. А я пойду посижу на бревне, как инвалид в санатории.

Он смотрел на меня в упор, и в его глазах стояло такое откровенное, невыносимое унижение, что у меня перехватило дыхание. Дождь уже стучал по капюшонам ровной дробью, крупные капли скатывались по его седой щетине, падали за воротник, а он даже не пытался их стряхнуть.

«Он имеет право промокнуть, — ударила в виски мысль, холодная и резкая, как озерная вода. — Он взрослый мужик. Ему шестьдесят семь лет. Если он хочет спать на глине — это его выбор. Не твой».

Мои руки повисли в воздухе. Сердце колотилось где-то в горле, требуя схватить палатку, доказать, настоять, спасти. Но вместо этого я сделала шаг назад. Медленно, преодолевая дикое, почти физическое сопротивление собственных мышц, опустила руки и спрятала их в карманы куртки.

— Прости, — сказала я вслух. Голос прозвучал хрипло. — Я не буду лезть. Ставь где считаешь нужным. Если понадобится помощь с оттяжками — скажи.

Отец посмотрел на меня с подозрением, словно ждал подвоха или второй части нотации. Потом молча нагнулся, поднял чехол с травы и пошел обратно к своей березе.

Я осталась стоять посреди поляны под морозящим дождем. Ладони в карманах мелко дрожали. Внутри разливалась противная, липкая пустота. Казалось, если я сейчас не займусь отцом, если не проконтролирую его сустав, его коврик и его таблетки, то всё мое присутствие здесь потеряет всякий смысл. Зачем я вообще потащила за ним в эту глушь, если просто стою столбом и смотрю, как он ставит палатку в потенциальную канаву?

— Эй, кто на ногах, держите край! Сдует же к чертям! — донесся от костровища резкий голос Кирилла.

Я вскинула голову.

Ветер с озера налетел внезапным порывом, бросив в лицо пригоршню ледяной водяной пыли. Огромный зеленый тент из силиконки, который гид пытался растянуть между двумя вековыми елями, вздулся гигантским парусом, затрещал и вырвал из земли один из угловых кольев. Кирилл висел на центральной веревке, пытаясь удержать конструкцию, но мокрый капрон выskalзывал из пальцев.

Рядом, метрах в трех над землей, балансируя на развилке соседней сосны, Олег пытался закрепить основной коньковый шнур. Куртка на нем промокла насквозь, сделавшись почти черной, зубами он зажал моток репшура, а пальцы в тонких перчатках методично вязали узел вокруг мокрого ствола.

— Марина! — крикнул Кирилл, перехватывая хлопающее полотнище. — Прихвати нижнюю растяжку! Вон ту, со стороны берега, пока не сорвало!

Это была не просьба о снисхождении. Это была нормальная, рабочая походная необходимость, где требовались еще две руки, чтобы общий суп не превратился в холодную жижу.

Вся скопившаяся внутри тревога, не нашедшая выхода в споре с отцом, мгновенно переплавилась в действие. Я метнулась к полощущемуся краю тента, поймала мокрую, бьющую по лицу ткань, навалилась всем телом, прижимая ее к земле, и нащупала в кармашке обвязки длинный капроновый шнур.

— Держу! — крикнула я Кириллу.

— Тяни к тому валуну! — отозвался сверху Олег. Он уже прыгнул с дерева, пружинисто приземлившись на влажный мох, и в три широких шага оказался рядом со мной. — У тебя есть карабин или колышек?

— Колышек здесь не удержит, грунт сорвет, — отозвалась я, тяжело дыша от рывка. Пальцы мгновенно заledenели от мокрой веревки. — Давай вокруг камня внатяг.

— Давай. Держи полотно, я обведу.

Олег перехватил угол тента, приняв на себя основную ветровую нагрузку. Его плечо на секунду жестко прижалось к моему — плотное, обтянутое мокрой мембраной, источающее глу-

хое человеческое тепло. Он не командовал, не учил меня, как правильно стоять, и не пытался вырвать шнур. Он просто держал свой угол с той надежной, монолитной силой, которая бывает только у людей, привыкших работать со стихией каждый день.

Я пропустила конец веревки под гранитным выступом, выбрала слабинку, уперлась ботинком в камень и завязала надежный двойной полуштык, натянув полотнище так, что оно зазвенело струной.

Тент перестал метаться. Зеленый купол упруго натянулся над костровищем, отсекая дождь, и первые крупные струи с глухим барабанным шумом застучали по натянутой ткани, стекая по желобу в сторону озера.

— Отлично, — Кирилл под навесом вытер мокрый лоб рукавом. — Стоит намертво. Соня, тащи дрова под тент, пока не промокли! Виктор, котелок на воду!

Олег остался стоять рядом со мной под козырьком натянутого полотна. Он тяжело перевел дух, стянул перчатки, отжал их одним мощным движением — на землю хлынула тонкая струйка воды — и посмотрел на узел, который я только что завязала на камне.

— Штыки под нагрузкой редко кто с первого раза правильно вяжет, — негромко сказал он. В его сером взгляде, уставшем и обветренном, не было и следа вчерашней снисходительности. — Обычно пытаются бантиком затянуть, а потом удивляются, что тент на голову падает.

— У меня в операционной узлы каждый день, — ответила я, пряча озябшие руки в карманы. Пальцы саднило от жесткой веревки, но внутри, под ребрами, наконец отпустило. Сердце билось ровно. — Правда, там шовный материал потоньше, но принцип тот же: если завязал криво — всё разойдется в самый неподходящий момент.

Олег чуть заметно усмехнулся одними уголками губ.

— Это точно. Спасибо за помощь, Марина. Без тебя мы бы эту парусину еще полчаса ловили.

— Не за что. Общее дело.

Он коротко кивнул — без лишних слов, без дежурной вежливости — и пошел к своей палатке, которую они с Соней делили на двоих. Я видела, как он подошел к дочери, что-то негромко сказал, принимая у нее из рук охапку сухих смолистых веток, и Соня впервые за день не дернулась, а просто кивнула в ответ.

Я повернулась и посмотрела в сторону холма.

Отец уже закончил. Его старая палатка стояла под березой — кривоватая, темно-синяя, с чуть провисшим коньком. Один из колышков явно уперся в корень и торчал из земли наполовину. Вокруг палатки отец неуклюже, но старательно прокопал лезвием топора неглубокую канавку, отводящую воду в сторону кустов. Он стоял на коленях на мокром мхе, заталкивая внутрь рюкзак, и его правая нога была неестественно вытянута вбок — видимо, колено всё-таки заныло от долгой нагрузки.

Мне стоило невероятных усилий не сорваться с места.

Не подбежать. Не принести ему кусок полиэтилена, который лежал у меня в клапане на всякий случай. Не заставить надеть чертов наколенник прямо сейчас, поверх влажных штанов.

Я стояла под шумным навесом, вдыхая поднимающийся от костра дым — горький, смолистый, перемешанный с запахом закипающей озерной воды, — и смотрела, как отец заползает в свой синий брезентовый дом. Полог застегнулся на старую металлическую молнию. Изнутри на секунду блеснул желтый огонек фонарика, осветив кривую стенку, и погас.

— Чай готов! — крикнул Кирилл, постукивая поварешкой по эмалированному ведру. — Разбирай кружки, пока горячий!

Я подошла к костру, взяла свою жестяную кружку, обжигая пальцы даже сквозь перчатку, и набрала темного, пахнущего дымом кипятка.

Потом пошла ставить собственную палатку — на сухой хвое под соснами, как и хотела с самого начала. Поставила быстро, за десять минут, вбив колышки точно под сорок пять градусов.

К девяти часам вечера лагерь окончательно затих. Дождь не прекратился, но стал мельче, шурша по тенту усыпляющим, ровным шепотом. Где-то у берега глухо плеснула крупная рыба.

Я сидела внутри своего спальника, натянув шерстяные носки на гудящие ноги. В палатке было сухо и тепло. Фонарик лежал рядом, высвечивая на тонком нейлоне купола тени от сосновых веток.

Рука сама потянулась к молнии входа. Привычка, въевшаяся в подкорку за четыре года одиночества отца, требовала вылезти наружу. Одеть ботинки, пройти эти несчастные тридцать метров по мокрой траве, постучать по синей ткани и спросить: «Пап, ты как? Не промокло? Мазь достал?»

Я замерла, сжимая в пальцах холодный бегунок замка.

«Оставь его, — сказала я себе в темноте. — Он жив. Он в спальнике. Если ему понадобится помощь, он знает, где ты».

Я отпустила молнию. Бегунок тихо звякнул о ткань.

За стеной палатки ровно дышала тайга, капала с веток вода, и в этой сырой, холодной тишине не было никакой катастрофы. Был просто первый вечер долгого пути, где каждый остался спать в той палатке, которую выбрал сам.

Я выключила фонарик, натянула спальник до самого подбородка и впервые за много месяцев закрыла глаза без страха, что мир рухнет, если я перестану его держать.

Глава 4

Олег

Палаточная ткань над головой посерела за полчаса до рассвета. С наружного ската монотонно, с тяжелыми короткими паузами срывались капли — вчерашний дождь выдохся глубоко за полночь, но тайга продолжала отдавать воду, накопленную во мху и сосновых кронах.

Я лежал не шевелясь, прислушиваясь к звукам лагеря. Это въелось намертво: проснуться за секунду до зуммера будильника, зафиксировать дыхание тех, кто рядом, оценить ветер по шелесту полога и только потом расстегивать молнию спальника.

Справа спала Соня. Из плотно затянутого капюшона пухового кокона виднелся только кончик носа и прядь темных волос, прилипшая к виску. Дышала она глубоко, чуть прерывисто, как дышат подростки после длинных, выматывающих споров. Ее правая рука была высунута наружу, в холодный утренний воздух палатки, и пальцы даже во сне сжимали край шерстяного носка, в который она с вечера завернула телефон, чтобы батарея не села от сырости.

Я осторожно выбрался из спальника, стараясь не качнуть надувной коврик.

Ботинки в тамбуре задубели от влаги. Кожа схватилась плотной коркой, шнурки казались вымоченными в клее, но когда стопа с усилием продавila задник, привычное тепло шерстяного носка вернуло ногам рабочее состояние. Я натянул штормовку, затянул манжеты на липучках и вышел наружу.

Воздух у озера стоял неподвижный, тяжелый, с резким запахом болотного багульника и выставшей золы. От воды поднимался белесый, слоистый пар, застрявший в прибрежных низкорослых березах. На траве лежал не иней, а толстая водяная пыль — граница между заморозком и оттепелью.

Я сделал привычный круг по периметру. Первое правило полевого выхода: пока остальные спят, проверь растяжки и выходы. Тент над общим столом выдержал ночь. Зеленое силиконовое полотно провисло под тяжестью накопившейся воды ровно в одном месте, образовав глубокий карман над дальним углом, но узлы на граните держали. Я подошел, толкнул ткань снизу ладонью — литра три холодной воды с шумом хлынули в черничник, открыв чистый настил. Веревка, которую вчера закрепила Марина, не сдвинулась ни на сантиметр. Морской штык с фиксацией — чисто, сухо, надежно. Женщина умела обращаться с натяжением, хотя руки у нее были не веревочные, а хирургические, тонкие в кости.

У костровища уже сидел Кирилл. Он успел поставить на таганок шестилитровый кан с озерной водой и теперь щепил охотничьим ножом сухую березовую плашку, прикрывая растопку полой куртки от сыплющейся с веток мороси.

— Здорово, — негромко сказал я, подходя с подветренной стороны.

Кирилл вскинул голову, прищурился от первого едкого дыма:

— Утра. Тент твой держит?

— Тент держит. Вода в кане чистая?

— Из озера брал, с глубины. Вскипит — нормальная будет.

Он воткнул нож в бревно, вытер ладонь о штанину и кивнул на рулон карты, лежавший на скамейке под куском целлофана:

— Тропа сегодня тяжелая пойдет. До большой дороги еще два дня, а после вчерашнего ливня моренная гряда раскиснет до мыла. Там за перемышкой кусок верхового болота, гати старые, бревна плавают. Будем перестраивать порядок. Виктора я сразу за собой беру, у него дышалка сбивается на подъемах. Павла — в середину. Дочь за ним, ты замыкаешь.

— Павла не надо зажимать в колонну, — сказал я, доставая из кармана свою термокружку. — Если ты поставишь его третьим, он начнет подстраиваться под темп группы и к обеду будет сильнее беречь ногу. Ему нужен свой интервал.

Кирилл хмыкнул, вороша щепу:

— Дочь его вчера чуть на части не разобрала за этот сустав. Ты видел, как она на него смотрела у стола? Будто он у нее на операционном столе лежит и под наркозом встать пытается.

— Видел.

— Врачи, — Кирилл покачал головой без осуждения, просто констатируя факт. — Они не умеют смотреть на живого человека без карты вызовов. Ладно, поставлю Павла перед Мариной, пускай сама с ним разбирается. Ты за девчонкой своей смотри. Она вчера на привале дерганая была, чуть объектив в камни не уронила.

Я промолчал.

«Смотри за девчонкой». Легко сказать человеку, у которого в рюкзаке лежит только групповая аптечка и спутниковый трекер. На службе всё было просто: вот смена, вот допуски, вот приказ. Если у спасателя в звене дрожат руки или затуманен взгляд — ты выводил его из расчета. Без споров, без обид, потому что ошибка в завале стоит жизни троим. Но с Соней этот служебный порядок разбивался о глухую, колючую стену. Ей исполнилось восемнадцать два месяца назад, и всю эту весну она смотрела сквозь меня с тем выражением лица, с каким смотрят на строгий шлагбаум на выезде из родного двора.

Лагерь зашевелился. Сначала из синей брезентовой палатки под березой показался Павел.

Старик выбирался на четвереньках, осторожно выставляя вперед локти, и я заметил, как он на секунду задержал дыхание, когда правая стопа встала на сырой грунт. Колено не стигалось под прямым углом — он берег его, выпрямляя ногу чуть вбок, как циркуль. Но стоило ему подняться во весь рост, как спина его мгновенно натянулась, подбородок поднялся, а лицо приняло то сухое, непроницаемое выражение старого полевика, которое он носил как броню. Он увидел нас у костра, коротко махнул рукой и пошел к озеру — умываться ледяной водой, не прося ни полотенца, ни мыла.

Следом расстегнулась палатка Марины.

Она вышла наружу уже полностью собранной: темные волосы стянуты резинкой на затылке, штормовка застегнута под горло, шнуровка на ботинках увязана в аккуратные двойные узлы. Лицо было бледным, с легкой синевой под глазами от холодной ночевки, но взгляд — ясный, цепкий, моментально оценивший диспозицию. Первым делом ее глаза метнулись к березе, зафиксировали пустой тамбур отцовской палатки, потом скользнули к кромке воды, где Павел стоял на коленях у прибоя, и только после этого плечи ее чуть опустились. Она выдохнула облачко пара и повернулась к костру.

Наши взгляды встретились.

Она не стала изображать фальшивую бодрость, не улыбнулась. Просто коротко кивнула мне — так кивают люди, которые провели ночь на соседних наблюдательных постах и знают, что периметр чист.

— Доброе утро. Кипяток есть?

— Закипает, — ответил я, сдвигая кан на угли. — Спальник сухой?

— Сухой. Под соснами грунт хорошо впитал.

Она подошла ближе, держа в пальцах две металлические кружки. Руки у нее были озябшие, с побелевшими костяшками, но двигалась она экономно, не суетясь. От нее пахло мылом без отдушки, сырой шерстью свитера и той особенной больничной чистотой, которую невозможно до конца вытравить даже двумя днями таежной копоты.

Она встала чуть в стороне от дыма, подставив ладони к жару костра. Мы не разговаривали — в шесть утра в тайге пустые разговоры ни к чему, они только воздух остужают. Но в ее молчании не было тяжести. Это было нормальное, взрослое присутствие человека, который не требует внимания к себе.

В этот момент зашуршал полог моей палатки.

Соня вылезла наружу. На ней была растянутая байковая рубашка поверх термобелья и походные штаны, забрызганные вчерашней грязью до самых колен. Капюшон натянут по самые брови.

В правой руке она держала телефон.

Я зафиксировал это автоматически, до того, как успел подумать. Она держала его не в кармане, не на шнурке на шее, а в сжатом кулаке, экраном к бедру, прикрывая корпус ладонью. Большой палец нервно, с короткой периодичностью нажимал на боковую кнопку, проверяя дисплей. Раз. Пауза в три секунды. Еще раз.

На экране не было сети — здесь, в низине под сопкой, связи не могло быть в принципе. Но по тому, как палец снова и снова будил экран, я решил: она чего-то ждала.

— Доброе утро, — пробормотала она, не поднимая глаз ни на меня, ни на Марину, и сразу повернула в сторону тропы, ведущей на гранитный мыс.

Туда, где скала выдавалась в озеро на тридцать метров и вчера вечером на секунду мигнул полумертвый значок роуминга.

Внутри у меня мгновенно сработал служебный тумблер. Точно так же, как срабатывал на выездах, когда пострадавший в шоке начинает пятиться к краю обрыва или прячет под курткой травмированную конечность, надеясь, что обойдется.

«Похоже, она не спала, — стукнуло в виске. — Может, полночи ждала обновления страницы. Если пришли результаты списков, если там отказ — она сейчас в раздрае. А впереди пять часов по мокрым гатям с двадцатикилограммовым рюкзаком».

Логика спасателя не знает сомнений. Логика требует устранить фактор риска до того, как группа сделает первый шаг по маршруту. Забрать источник стресса, прояснить обстановку, принять решение за двоих. Это работало всегда. Это спасало людей.

— Соня, чай готов, — позвал я. Голос прозвучал жестко, с тем командным обертоном, от которого на базе стажеры вытягивались по струнке. — Иди к костру.

Она не остановилась. Только плечи под фланелью дернулись, и шаг стал быстрее.

— Я умоюсь, пап.

Она почти побежала по мокрым камням к мысу.

Я шагнул за ней. Мышцы натянулись, пальцы сами собой сжались в кулаки. «Догнать. Остановить. Сказать: покажи экран. Мы семья или чужие люди? Если ты не поступила — мы решим это в городе, подадим документы на платное, у меня есть накопления. Нельзя выходить на болото в таком состоянии».

Слова уже выстроились в безупречный, бронебойный ряд аргументов. Я имел на них право. Я почти один отвечал за нее с десяти лет. Я менял смены, брал ночные дежурства, проверял уроки, сидел в коридорах детских поликлиник и вытаскивал ее из каждой простуды, как из горящего подвала. Кто, если не я, должен был знать, что с ней происходит?

Я сделал еще два широких шага, обходя костровище. Подошва резко скрежетнула по мокрому сланцу.

— Олег.

Голос был тихий. Без нажима, без крика.

Я замер, словно наткнулся на натянутую грудную обвязку. Повернул голову.

Марина стояла у таганка. Кружки в ее руках были неподвижны. Она смотрела на меня в упор своими карими, усталыми глазами, и в этом взгляде было нечто такое, от чего у меня пересохло во рту.

Мне на секунду показалось, что она видит меня насквозь.

Наверное, со стороны я выглядел не руководителем смены и не уверенным в себе мужчиной с седыми висками, который вчера учил ее жить на веранде, а перепуганным насмерть отцом, пытающимся навязать дочери конвой под видом родительской любви. Вчера Марина сама точно так же неслась за своим стариком, готовая вырвать у него рюкзак.

Она не сказала: «Остановись». Не сказала: «Не лезь».

Она просто стояла и смотрела, как я делаю замах, который обязательно ударит по моему собственному ребенку. Чуть заметно качнула головой — короткое, почти незаметное движение. Я прочитал в этом движении предупреждение: «Не делай этого. Ты сломаешь всё прямо сейчас».

Я медленно перевел дух. Ледяной воздух обжег гортань.

«Она права, — подумал я с глухой, царапающей досадой. — Черт побери, эта городская ветеринарша права».

Если я сейчас пойду на мыс и потребую телефон, Соня замкнется. Она засунет его на дно рюкзака, замрет с каменным лицом и будет молчать все восемь дней. А на девятый соберет чемодан и уедет, даже не оставив адреса общежития. Потому что от конвоя не просят помощи. От конвоя бегут.

Я опустил плечи. Разжал кулаки.

— Кирилл, налей заварки, — сказал я ровно. Голос еще хрипел, но связки уже встали на место. — Я отнесу ей кружку.

Кирилл молча зачерпнул темный настой, плеснул в мою термокружку, сыпанул две ложки сахара и кивнул в сторону мыса:

— Иди. Только без митингов. Через полчаса снимаем лагерь.

Я взял кружку. Марина посторонилась, пропуская меня, и когда я проходил мимо, тихо сказала:

— Она справляется, Олег.

Я ничего не ответил, но ее слова легли в карман, как запасной карабин — тяжело, но надежно.

На мысу ветер был сильнее. Он дул с открытой воды, морщил свинцовую гладь озера и бросал в лицо мелкие брызги.

Соня сидела на самом краю скалы, поджав колени к груди. Телефон лежал на плоском камне рядом с ней — темным экраном вниз, прижатый ее ладонью. Она слышала мои шаги, спина ее мгновенно одеревенела, плечи поднялись к ушам. Вся ее поза кричала: «Не подходи, я буду стрелять».

Я подошел медленно, не делая резких движений, как подходят к испуганной собаке на завале. Не стал нависать над ней сверху. Сел на соседний валун в полутора метрах, поставил горячую кружку на гранит.

— Сладкий.

Она скосила глаза на пар, поднимающийся от жести, но руку с телефона не убрала. Пальцы были красными от ветра.

— Я сказала, что приду через пять минут, пап. Зачем ты пошел за мной?

В ее голосе звенела та колючая, натянутая до предела нота, за которой обычно начинаются слезы или глухой, неконтролируемый скандал.

Я смотрел на воду. На том берегу чернела тайга — глухая, бесконечная, равнодушная ко всем человеческим приемным комиссиям, дипломам и страхам.

— Я не за телефоном пришел, Соня.

Она дернула подбородком, не веря:

— Да ладно? А за чем? Чтобы объяснить, что в Питере сыро, общежития плохие, а на вокзале воруют кошельки? Я наизусть знаю твой список. Ты мне его с десятого класса читаешь.

Каждое слово било точно в цель. Потому что это действительно был мой список. Я составлял его годами, бережно упаковывая свою родительскую панику в обертку рациональной безопасности.

Я заставил себя положить руки на колени ладонями вверх. Открытый жест, который на службе используют при переговорах.

— У меня к тебе один вопрос, — сказал я спокойно. Ни командирских интонаций, ни нравоучений. Просто рабочий запрос информации. — Только один.

Она напряглась, прижимая телефон к камню сильнее:

— Ну?

— То, что там написано, — я не показал пальцем, просто обозначил направление взглядом, — это влияет на твою безопасность сегодня на тропе? На твою способность держать баланс на бревнах, слышать команды гида и нести свой вес?

Соня замерла.

По тому, как она напряглась, мне показалось: ждала удара. Ждала приказа: «Отдай трубку, я сам посмотрю, кто тебе пишет в такую рань». Вся ее поза была выстроена против нападения. А я не нападал. Я спрашивал про тропу.

Она медленно опустила глаза на свои руки. Посмотрела на телефон. Пальцы ее чуть дрогнули, но хватка ослабла. На холодном черном корпусе не было видно никаких уведомлений.

— Нет, — сказала она глухо, глядя куда-то в серую воду. — На тропу это не влияет. Я в порядке. Я могу идти.

— Ты уверена?

— Да.

Я сидел и смотрел на ее профиль. На темные брови, сдвинутые к переносице, на упрямую складку возле губ. Я понятия не имел, что скрывалось за этим «нет». Прошла она по баллам? Пришло ли письмо из академии? Ответил ли ей кто-то из приемной комиссии?

Я ничего не знал. Пустота в груди была острой, почти физической — как будто меня вывели со смены и закрыли перед носом дверь штабного вагончика. Любой нормальный спасатель на моем месте посчитал бы это провалом. Не прояснил обстановку. Не устранил неопределенность.

Но я встал.

— Хорошо, — сказал я. — Допивай чай. Кирилл через десять минут дает команду на сбор. Натяни бафф на шею, с озера тянет сквозняком.

Я повернулся и пошел обратно к лагерю. Спиной я чувствовал ее взгляд — растерянный, колющий, но уже без ярости. По тому, как она на секунду замерла, я решил, что такого ответа она не ожидала.

На поляне сборы подходили к концу.

Кирилл упаковывал групповую посуду, Виктор суетился возле своего синего «кузнечика», пытаясь впихнуть намокший коврик под внешние стяжки.

У березы Павел сворачивал палатку. Старый брезент был тяжелым от влаги, ткань не хотела складываться в ровный рулон, выскальзывала из рук. Старик стоял на одном колене, опираясь левой рукой о землю, а правой пытался протолкнуть дуги в узкий парусиновый мешок. Лицо его побагровело от натуги.

Марина стояла в четырех шагах от него.

Ее собственный рюкзак уже был собран — безупречно утянутый, монолитный, он стоял у ствола сосны. Она стояла, засунув руки в карманы куртки, и я видел, чего ей стоило это неподвижное стояние. Каждое движение отца отзывалось в ее теле: когда он неловко дергал брезент, ее плечи вздрагивали; когда он переносил вес на больной сустав, ее челюсть сжималась так, что проступали скулы. По тому, как вздрагивали ее плечи и сжималась челюсть, я почти физически видел знакомый порыв: подойти, отодвинуть его плечом и сделать всё самой — быстро, ровно, без этой старческой унижительной возни.

Но она не двигалась.

Она стояла и терпела чужую медлительность.

Когда Павел наконец завязал тесемки на чехле и тяжело, с глухим кряхтением поднялся на ноги, держась за ствол березы, Марина сделала шаг вперед. Не бросилась подхватывать

мешок. Просто подошла, достала из бокового кармана литровую пластиковую флягу с горячим травяным взваром и протянула ему:

— Держи. Твой чай остыл, я свежего налила.

Отец посмотрел на флягу. Тяжело перевел дыхание, вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб и взял пластик:

— Спасибо.

Никаких нотаций. Никаких «я же говорила, что брезент намокнет». Два взрослых человека обменялись теплом без попытки переделать друг друга.

Марина повернула голову и увидела меня.

Я стоял у костровища, застегивая клапан своего рюкзака. Она скользнула взглядом по моему лицу, потом посмотрела в сторону мыса, откуда неторопливо, уже с пустой кружкой в руке, шла Соня.

По ее короткому взгляду на меня, потом на Соню, я решил, что она догадалась: я не вырвал у дочери правду и вернулся с пустыми руками, оставшись один на один со своей тревогой.

В ее глазах было молчаливое, спокойное признание. Так смотрят друг на друга люди, которые одновременно поняли, как дорого стоит чужая свобода, но решили заплатить эту цену.

Она чуть заметно кивнула мне — уже совсем по-другому, теплее и глубже, чем утром у костра. И в этом коротком жесте было больше поддержки, чем во всех ободряющих репликах, которые мне доводилось слышать за последние восемь лет.

— Внимание, группа! — крикнул Кирилл, защелкивая поясной замок своего огромного анатомического мешка. — Строимся! Порядок движения: я первый, за мной Виктор. Дальше Павел, за ним Марина. Соня — пятая, Олег замыкает. Дистанция на мокрых камнях — три метра, на гатях — пять! Палками в щели между бревен не тыкать, сломаете лапки. Пошли!

Группа втянулась в черничник.

Тропа сразу пошла вниз, к затянутой туманом болотной низине, где чернели старые, склизкие от дождей бревенчатые настилы.

Я шел последним. Впереди размеренно покачивался брусничный капюшон Сони. Она шла ровно, надежно ставя подошвы вибравов на мокрую древесину, придерживая рукой висевший на груди фотоаппарат. Телефон лежал у нее в нагрудном кармане, под надежным замком молнии.

Я по-прежнему не знал, что ждет нас в Петербурге. Не знал, уедет она в сентябре или останется дома. Но под ногами была скользкая карельская тропа, за плечами лежал привычный тяжелый груз, а впереди мерно двигались пять человеческих спин.

И я впервые в жизни учился просто идти сзади, не пытаясь расчистить дорогу тем, кто выбрал идти сам.

Глава 5

Марина

Болото началось не сразу. Сначала сосны стали ниже, искривились, словно им не хватало сил вытолкнуть кроны к небу, а мох под ногами из сухого и пружинящего сделался белесым, водянистым. Стоило ступить мимо следа впереди идущего, как из-под подошвы с тихим чмоканьем выступала бурая, пахнущая железом и гнилым торфом жижа.

Потом потянулись гати.

Старый настил из ошкуренных сосновых стволов, сколоченных попарно коваными скобами, лежал здесь, наверное, еще с советских времен. Древесина местами почернела, осклизла от вчерашнего дождя, скобы торчали ржавыми петлями. На открытых участках на бревна набили металлическую штукатурную сетку, чтобы подошвы не скользили, но проволока давно протерлась, скрутилась в колючие кольца и норовила зацепить штанину.

— Внимание на настиле! — голос Кирилла долетал с головы колонны ровно, без паники. — Идем строго по центральному бревну. На стыках не пружинить, доски гуляют. Виктор, шаг короче!

Я шла пятой. Передо мной двигался отец.

За два часа перехода по болоту я выучила наизусть каждый шов на его штормовке, каждый взмах его палок и угол, под которым правая нога касалась сырого дерева. Он шел медленно. Медленнее, чем требовал темп, который задавал Кирилл. Дистанция между отцом и ушедшей вперед Соней постепенно растянулась метров до двадцати.

Отец не спотыкался, но шел нарочито аккуратно. Наступал на бревно всей стопой, чуть задерживал вес на левой ноге, а правую — ту самую, с больным суставом — переносил плавно, не допуская резкого толчка. Я шла следом, наступая ему почти на пятки, и каждую секунду ловила себя на том, что подстраиваю свое дыхание под его осторожный шаг.

Мои икроножные мышцы забились от этого рваного ритма. Свой собственный темп у меня был шире, пружинистее, но обогнать его на узких бревнах означало выпустить из поля зрения. Стоило мне отстать на три метра, как внутри поднималась знакомая холодная паника: «Сейчас оступится. Бревно мокрое. Если нога соскользнет в топь, он со своим брезентовым мешком даже опереться не успеет».

На очередном сухом островке — крошечной гривке, поросшей низкорослым багульником, где гать на десяток метров прерывалась песчаной полосой, — отец внезапно остановился.

Он не стал прислоняться к дереву, не полез за водой. Просто воткнул обе палки в песок, развернулся и уставился на меня.

Лицо у него было мокрым от пота, седая щетина блестела, под глазами залегли темные тени. Но в глазах стояла такая глухая, упрямая злость, что я невольно притормозила.

— Марина, — сказал он. Голос звучал сипло, но очень раздельно. — Обгоняй.

— Что? — я перехватила поудобнее рукоятки палок. — Пап, здесь узко, зачем обгонять? Нормально идем.

— Ты мне в затылок сопишь последние пять километров, — отчеканил он, не отводя взгляда. — Я слышу каждый твой вдох. Ты идешь и ждешь, когда я рухну в эту канаву, чтобы подбежать и сказать: «А я предупреждала».

— Я ничего такого не жду! — вспыхнула я, чувствуя, как краска заливает щеки. — Доски мокрые, папа! Ты идешь через силу, я же вижу!

— Я иду со своей скоростью. Ровно с той, с какой могу идти. Но я не могу идти, когда надо мной висит конвой. Хватит устраивать здесь совместное дежурство. Я не в реанимации, а ты не на смене. Иди вперед. К девчонке, к Виктору, куда угодно. Вон, вставай за Кириллом и чеши со своим пульсом.

— Если у тебя заклинит сустав посреди болота, кто тебя отсюда вытаскивать будет? — слова вырвались прежде, чем я успела себя остановить. Горло перехватило горечью. — Кирилл? Или мне прикажешь вертолет вызывать?

Отец медленно опустил руки. Посмотрел на меня долго, тяжело — так смотрят на чужого человека, который без спроса влез в закрытую комнату.

— Если заклинит — я сам скажу Кириллу, — тихо произнес он. — Слышишь меня? Сам. Без переводчиков. А пока ноги идут — отойди. Дай мне дойти этот день так, как я хочу, а не так, как тебе спокойнее.

Он сделал шаг в сторону, сойдя с тропинки в черничник, и демонстративно отвернулся к болоту, опершись на палки. Спина его под брезентом была прямой и напряженной, как натянутый трос.

Я стояла посреди сухого пяточка, и в ушах стучала кровь. Ветер доносил терпкий, дурманящий запах багульника. В груди всё протестовало. Логика хирурга кричала: «Нельзя оставлять его одного, это риск, это глупое стариковское упрямство!» Мое присутствие рядом казалось единственной гарантией того, что он вернется домой целым.

Но я посмотрела на его сжатые на пробковых рукоятях пальцы. Сухие, узловатые, с набухшими венами. Он дрожал — не от холода, а от унижения. От того, что собственная дочь превратила его долгожданный поход в унизительную медицинскую экспертизу.

«Ты не спасаешь его, — обожгла мысль. — Ты просто спасаешь себя от собственного страха».

— Хорошо, — сказала я. Голос прозвучал хрипло, чужой для меня самой. — Я уйду вперед.

Отец даже не кивнул. Только плечи едва заметно опустились.

Я шагнула на настил. Доски под ногами качнулись, вытолкнув из щелей холодную темную жижу.

Сзади щелкнула застежка рюкзака. Я оглянулась. На песчаную гривку вышел Олег. Он не торопился, держал дистанцию метров в десять. Увидев отца, стоявшего в черничнике, он даже не сбавил шага. Не стал спрашивать, что случилось, не полез с советами. Просто коротко кивнул старику:

— Перекур, Павел Алексеевич?

— Ногу поправляю, — буркнул отец в пространство.

— Понял. Тропа дальше суше пойдет, через километр моренная гряда.

Олег прошел мимо него, мягко ступая тяжелыми ботинками по сыпучему песку, и вышел на настил следом за мной.

Я прибавила ходу. Собственные ноги, истосковавшиеся по нормальному, широкому шагу, заработали быстрее. Я обогнала Соню — та шла мерно, слушая что-то в одном наушнике и держа камеру наготове, — обошла пытящего Виктора и встала в середину группы, метрах в сорока позади Кирилла.

Впереди маячил красный рюкзак гида. Позади осталась пустота.

Это было физически невыносимое ощущение. Первые минут двадцать я постоянно порывалась обернуться. На каждом повороте гати, на каждом изгибе между чахлыми болотными соснами взгляд сам собой косил назад. Но из-за деревьев ничего не было видно. Там, сзади, шли отец и Олег. А может, отец уже сел на бревна? Может, сустав подвернулся, и он сидит в холодной жиже, пока я бодро вышагиваю по настилу?

Руки на палках сжимались до белизны в суставах. Дыхание сбивалось не от подъема, а от этой слепой, беспомощной неизвестности. Я не видела его. Я не могла контролировать то, чего не видела.

— Не части, Марина. Спешить некуда.

Голос раздался слева и чуть сзади.

Я вздрогнула. Тропа здесь как раз выбралась с болота на узкую каменную грядку — древнюю озовую насыпь, заросшую вековыми соснами и светлым оленьим мхом. Земля под ногами стала твердой, усыпанной сухими рыжими иглами, и тропа расширилась, позволяя идти вдвоем.

Олег поравнялся со мной.

Он нес свой громадный станковый рюкзак с той пугающей, экономичной легкостью, которая вырабатывается годами тяжелой полевой работы. Дышал через нос — глубоко, ровно, словно шел налегке по асфальту. Взгляд серых глаз скользил по сосновым стволам, отмечая старые затески и завалы.

— Я не чащу, — отозвалась я, стараясь выровнять дыхание. — Обычный шаг.

— Сто двадцать шагов в минуту, — спокойно заметил он. — Для подъема с грузом в шестнадцать килограммов это много. Через сорок минут посадишь сердце, а к вечеру квадрицепсы превратятся в дерево. Сбавь на десятку.

Я хотела огрызнуться. Привычка защищаться от любых замечаний сработала мгновенно. Но в его тоне не было снисходительности. Он не пытался самоутвердиться за мой счет. Это была просто сухая, практическая информация — такая же, какую я сама давала ассистентам перед сложной полостной операцией: «Не пережимай сосуд, оторвешь».

Я чуть укоротила шаг, сбросив скорость. Сердце в груди действительно колотилось слишком часто.

— Спасибо, — выдавила я через пару минут.

Олег чуть повернул голову, скользнул по мне взглядом и снова посмотрел вперед:

— Не за что. Тяжело отпускать?

Вопрос был прямой, без обиняков. Другой бы на его месте начал издали — про погоду, про красивые сосны, про тяжелый грунт. Но Олег спрашивал именно о том, что сейчас жгло меня изнутри.

— Тяжело, — призналась я. Воздух здесь был сухой, пах нагретой смолой и сухим ягелем. — Я четыре года только этим и занимаюсь. Мама умерла внезапно. Отец тогда просто растерялся. Он всю жизнь по тайге мотался, от Памира до Чукотки, а в обычной квартире, оказывается, даже не знал, как за газ платить. Я всё на себя взяла. Квитанции, поликлиники, ремонт, продукты... Привыкла. Мне кажется, если я хоть на день отвернусь, он просто забудет поесть или упадет с табуретки.

— Он геолог, — негромко сказал Олег. — Начальник партии. Такие люди в одиночку маршруты водили по местам, где на пятьсот километров ни одного жилья не было.

— Это было тридцать лет назад!

— Такие вещи не выветриваются, Марина. Меняется выносливость, связки сохнут, реакция падает. Но голова остается прежней. Когда взрослому мужику, который полжизни за людей отвечал, начинают напоминать надеть шапку и завязать шнурки — он чувствует себя так, будто его уже списали в утиль. А хоронить себя заживо никто не хочет.

Я молчала, глядя под ноги. Под подошвами тихо похрустывали сосновые шишки.

— Вы поэтому с Соней так... осторожно? — спросила я.

Олег усмехнулся — коротко, одними уголками губ, и в этой усмешке было мало веселья.

— Я с Соней осторожно, потому что последние восемь лет системно перегибал, — ровно ответил он. — Решил, что должен предусмотреть за двоих. У меня смена в спасательной службе — сутки через трое, на выездах всякое бывает. Приезжаешь домой после тяжелого вызова, а дома десятилетняя девчонка сидит, уроки не сделаны, на плите чайник сторел. И у меня внутри щелкает: опасность! Надо всё зарегулировать, всё расписать по пунктам, поставить датчики, проверить телефон, закрыть двери на три замка. Чтобы ни одной щели для беды не осталось.

Он помолчал, обходя торчащий из земли гранитный валун.

— И к чему это привело? — тихо спросила я.

— К тому, что в шестнадцать лет она начала врать по мелочам. Не потому, что плохая. А просто чтобы оставить себе хоть один угол, куда я не залезу со своим инструктажем. А сейчас она собирается в Питер. И я знаю, что если я сейчас надавлю, если потребую отчета о каждом шаге — она уедет и больше трубку не снимет. Будет звонить раз в месяц по расписанию: «Жива, здорова, пока».

Он разбирал собственные ошибки трезво и безжалостно — так же, как разбирают неудачную операцию.

— Значит, вы тоже боитесь, — сказала я, глядя на его профиль.

— Боюсь, — спокойно согласился он. — Каждый день боюсь. Контролировать — это же очень удобно, Марина. Это снижает тревогу прямо сейчас, в эту секунду. Ты проверил рюкзак — тебе полегчало. Ты заставил надеть наколенник — ты молодец, выполнил долг. А то, что человеку рядом дышать нечем — это вроде как издержки во благо. Только благо это фальшивое. Оно нужно не ему. Оно нужно тебе, чтобы ночью спать спокойно.

Слова попали точно в нерв. Без злости, без осуждения, но так точно, что у меня перехватило горло.

«Чтобы ночью спать спокойно».

Именно так. Все эти бесконечные контейнеры с супом, проверки давления, звонки в обеденный перерыв — я делала это не потому, что отец без этого умер бы. Я делала это, чтобы заглушить собственный панический страх остаться одной в пустой квартире, где больше никому будет позвонить.

Мы шли рядом еще около часа.

Тропа петляла по сухой сосновой гриве. Ветер стих, сквозь серую пелену облаков начало проглядывать бледное северное солнце, согревая мокрую хвою. Мы почти не разговаривали, но это молчание больше не тяготило. Рядом с Олегом было удивительно легко держать шаг. Он не нарушал дистанцию, не пытался казаться лучше, чем есть, и от него исходило то редкое, взрослое спокойствие, которое возникает только у людей, знающих цену своим шрамам.

— Группа, привал! — скомандовал впереди Кирилл.

Тропа вывела нас на широкую песчаную поляну у небольшого лесного ручья. Вода в ручье была прозрачной, цвета крепкого чая от торфа, на дне блестели белые кварцевые голыши.

Виктор уже сидел на поваленном стволе, стянув ботинки и блаженно шевеля пальцами в шерстяных носках. Соня устроилась на теплом валуне у самой воды, разложив объективы на чистой тряпке.

Я скинула рюкзак. Плечи отозвались благодарным теплом.

Сердце кольнуло привычной судорогой: отца на поляне не было.

Я подошла к краю песчаного откоса, вглядываясь в сосновый бор, откуда мы только что вышли. Десять минут хода. Пятнадцать. Руки сами потянулись к аптечке в клапане рюкзака. «Если он упал... Если сустав...»

— Марина, — негромко позвал Олег. Он стоял у ручья, набирая воду в котелок. Посмотрел на меня снизу вверх, спокойно, без укора. — Сядь. Выпей чаю.

Я замерла. Глубоко вдохнула теплый, пахнущий смолой воздух.

И заставила себя сесть на сухой мох. Достала кружку.

Прошло еще минут семь. В сосняке послышался мерный, сухой стук наконечников палок о камни.

Из-за поворота показался отец.

Он шел один. Медленно, широко расставляя палки, припадая на правую ногу чуть заметнее, чем утром, но уверенно. Куртка на нем расстегнута, на лице сияла широкая, усталая и абсолютно счастливая улыбка. В руке, свободной от темляка, он держал крупный, темно-коричневый подосиновик на толстой ножке.

— Кирилл! — крикнул он еще с тропы, не сбавляя шага. — Гляди, какой красавец на бровке сидел! К вечерней гречке как раз в тему будет!

Кирилл оглянулся от костра, ослабился:

— Добытчик, Алексеич! Давай сюда, в котле место есть!

Отец вышел на поляну, подошел к костровищу, аккуратно опустил гриб на бревно и с наслаждением сбросил свой старый брезентовый рюкзак на песок. Вытер мокрый лоб ладонью, оглядел поляну и встретился со мной взглядом.

В его глазах была тихая, спокойная гордость человека, который прошел тяжелый кусок сам. Без надзора. Без унижительной опеки. В своем собственном темпе.

У меня внутри что-то дрогнуло и встало на место.

Это не было облегчением триумфатора: «Вот видишь, ничего не случилось, я была не права». Нет. Я просто сидела на теплом мху, сжимая остывающую кружку, и чувствовала чистую, ничем не замутненную радость от того, что он здесь. Уставший, с ноющим коленом, со своим дурацким подосиновиком — но живой и свободный.

Рядом опустился Олег. Поставил передо мной закопченную кружку со свежим кипятком, от которого пахло смородиновым листом и дымом.

— Держи.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Наши пальцы на секунду соприкоснулись на горячем металле ободка. Его ладонь была шершавой, твердой, с вьевшимися следами веревочных ожогов, но прикосновение вышло неожиданно мягким.

Олег не стал убирать руку сразу. Посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом — уже без профессиональной дистанции спасателя. Словно тоже только теперь позволил себе просто выдохнуть.

— Хороший темп, Марина.

— Да, — ответила я, глядя, как отец у костра спорит с Виктором о правильной засолке грибов. — Кажется, самый правильный.

Глава 6

Марина

Второе озеро называлось глухо и коротко — Сикко. Оно пряталось в глубокой гранитной чаше, стиснутое высокими замшелыми скалами, и вода в нем казалась почти черной, как остывший чай в чугушке. К вечеру ветер окончательно выдуло за гребень сопки, и над гладью повисла густая, тяжелая тишина, нарушаемая только потрескиванием сушняка в костре.

Мы пришли на стоянку около пяти вечера. Палатки поставили быстро, почти без разговоров: сказывалась усталость после двенадцати километров моренных гряд и скользких гатей.

Отец устроился на плоском гранитном уступе у самой воды. Снял ботинки, вытянул вперед длинные сухие ноги в толстых серых носках и с наслаждением чистил складным ножиком тот самый подосиновик, который подобрал на привале. Темная шляпка гриба аккуратными ломтиками падала в эмалированную миску. Правое колено у него заметно припухло — сквозь ткань походных брюк угадывался неровный контур зажатого сустава, — но лицо оставалось безмятежным, почти помолодевшим.

Я подошла к нему с котелком, собираясь набрать воды для чая, и присела рядом на корточки. Камень под ладонью еще хранил слабое дневное тепло.

Щелкнул затвор.

В трех метрах от нас стояла Соня. Она присела на одно колено, оперев тяжелый объектив на запястье. На ней была та же брусничная куртка, капюшон сброшен на плечи, растрепанные темные волосы забраны за уши. Глаза за видеоискателем горели азартным, цепким блеском.

— Соня, ты бы спросила сначала, — негромко сказала я, машинально поправляя растрепавшуюся челку.

— Извините, — она опустила камеру. Голос звучал увлеченно, почти рассеянно. — Просто свет уходящий очень правильный. Камень серый, вода темная, и вы двое в профиль. Похожи невероятно, особенно линия подбородка. Показать?

Она развернула фотоаппарат экраном к нам.

Я взглядела в крошечный цифровой дисплей. Снимок и правда получился удивительно честным: отец с ножом в узловатых пальцах, чуть прищурившийся против заката, и я — на корточках, с застывшим лицом, напряженно вглядывающаяся в его позу. На фотографии было видно всё, что я так старательно пыталась скрыть: моя поза выдавала не попутчицу, а дежурную сестру, готовую в любую секунду перехватить падающего.

— Хороший кадр, девчонка, — одобрительно хмыкнул отец, подрезая грибную ножку. — Рука твердая. Скинешь потом Марине, пускай на стену повесит. Для истории.

Соня улыбнулась — впервые за два дня открыто, без колючей настороженности — и ушла к костру, где Кирилл и Виктор колдовали над групповым ужином.

Я зачерпнула котелком воду. Озерная влага обожгла пальцы.

— Пап, давай после ужина хотя бы разгрузим ногу, — сказала я тихо, глядя на его колено. — У меня в клапане лежит термогель, если сам захочешь.

Отец не ответил сразу. Дорезал последний ломтик, вытер лезвие ножа о штанину и аккуратно сложил его со щелчком. Потом отставил миску в сторону, повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза — долго, не мигая.

— Ты думаешь, я тебя зачем с собой позвал, Маринка?

Вопрос прозвучал неожиданно. В нем не было раздражения, которое сквозило в его голосе утром на настилах, — только усталое, взрослое любопытство.

— Затем, что тебе шестьдесят семь лет, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и логично. — У тебя старое травмированное колено, которое уже начало отекает под

нагрузкой. Ты пошел на сложный маршрут, откуда нельзя просто свернуть к больнице. Я решила, что ты позвал меня, чтобы подстраховаться. На случай, если нога подведет.

Отец слушал меня молча, чуть склонив голову набок. На его обветренном, седом лице не дрогнул ни один мускул. Когда я замолчала, он покачал головой — медленно, с горькой, печальной усмешкой.

— Дура ты, Марина. Хотя и с красным дипломом, и оперируешь так, что к тебе со всей области собак возят. А дура набитая.

Я отпрянула, чувствуя, как внутри закипает обида:

— Спасибо за оценку.

— Не обижайся, слушай, раз уж начали, — перебил он, и в его голосе прорезались те самые глуховатые, командирские нотки начальника геологической партии, которых я не слышала с самого детства. — Если бы мне нужна была страховка, я бы не тебя позвал. Я бы позвал Серегу Власова, с которым мы тридцать лет в поле ходили. Он на два года моложе меня, знает, как шину из бересты наложить, и в тайге не паникует. Или вообще бы не пошел. Сидел бы на даче, поливал мамины флоксы да смотрел телевизор.

— Тогда зачем? — вырвалось у меня.

Отец отвел взгляд, посмотрев на темную воду озера. Там, на середине, расходились плавные круги от вечернего всплеска рыбы.

— Четыре года прошло, как матери не стало, — глухо заговорил он. — Четыре года, Марина. И все эти четыре года мы с тобой не разговариваем. Вообще.

— Мы созваниваемся каждый день! — возмутилась я. — Я к тебе по субботам приезжаю, продукты привожу, холодильник забиваю, в поликлинику записываю...

— Вот именно, — жестко оборвал он. — Ты ко мне приезжаешь с ревизией. Заходишь в квартиру, разуваешься и сразу глазами стреляешь: вымыта ли посуда, выпил ли я таблетки от холестерина, не течет ли кран в ванной. Ты со мной говоришь как дежурный фельдшер с лежащим больным. «Папа, покушай. Папа, не поднимай тяжелое. Папа, тебе нельзя жареное». Ты меня за этими своими предписаниями вообще видеть перестала.

Слова падали тяжело, как гранитные голыши в воду. Они не ранили — они оглушали.

— Я за тебя боюсь, папа, — прошептала я, чувствуя, как пересыхает во рту. — Ты у меня один остался.

— А я не вещь, чтобы за меня бояться! — повысил он голос, и пальцы его сжались в кулак на колене. — Я живой человек! Мне шестьдесят семь, да. Я старею, у меня ноет эта проклятая нога, я не могу нести тридцать килограммов, как в молодости. Но я еще дышу. И я позвал тебя в этот поход не сиделкой. Не для того, чтобы ты мне мазь втирала по расписанию и считала пульс на привалах. Я позвал тебя, потому что надеялся... черт его знает, думал, вытащу тебя из твоей операционной, из твоих графиков, уведу в лес — и мы снова станем отцом и дочерью. Посидим у костра, выпьем чаю с дымом, помолчим по-человечески. Как раньше. Когда мама была жива.

Он замолчал, шумно втянув носом холодный воздух.

Тишина, навалившаяся на гранитный уступ, звенела в ушах.

Я сидела перед ним на корточках, держа в руках холодный котелок, и чувствовала себя так, будто меня раздели на ледяном ветру. Вся моя броня, вся моя выверенная, железобетонная система контроля, которую я строила четыре года, рассыпалась в прах от нескольких простых фраз.

Я ведь искренне верила, что спасаю его. Что эти бесконечные звонки, контейнеры с диетическим супом, проверки квитанций и запреты на дачные работы — это проявление высшей дочерней заботы. А на самом деле я просто замуровала его в свою тревогу. Лишила права скрипеть суставами, ошибаться, уставать, быть слабым или сильным — просто быть собой.

Потому что пока он был под моим присмотром, мне не нужно было думать о собственной жизни. О пустой квартире, о закончившемся семь лет назад браке, о ночных дежурствах, за которыми я пряталась от одиночества. Контроль над отцом был моим обезболивающим.

«Опека нужна не ему, — безжалостно сформулировал внутренний голос. — Она нужна тебе. Чтобы чувствовать себя нужной».

Отец посмотрел на меня исподлобья. Взгляд его смягчился, морщины вокруг глаз разгладились.

— Я дойду до контрольной дороги, Марина, — сказал он уже тише, обычным своим голосом. — До четвертого дня я дойду совершенно точно. Нога болит, но она рабочая, связки держат. А там... там посмотрим по факту. Как Кирилл сказал. Но давай договоримся. На берегу.

— О чем? — голос мой дрогнул.

— Ты перестаешь ходить за мной с секундомером и градусником. Ты не проверяешь мои вещи. Ты не решаешь за меня, когда мне сесть, а когда встать. Если мне станет совсем хреново — я скажу. Слово геолога. Но до этого момента — ты просто спрашиваешь. Спрашиваешь, нужна ли мне помощь. И если я говорю «нет» — ты отходишь в сторону и даешь мне идти. Договорились?

Я сжала пальцы на дужке котелка так, что металл врезался в кожу.

Это было чудовищно трудно. Согласиться — значило добровольно снять с себя полномочия. Отказаться от привычного руля. Оставить его наедине с возможной болью, с риском сорвать колено посреди тайги, не имея права вмешаться первой.

Но я посмотрела на его лицо. На прямую, упрямую спину. Если я сейчас скажу «нет», если продолжу давить — я довезу его тело до дома в целости и сохранности. Но отца у меня больше не будет. Будет только озлобленный, сломленный старик, закрывшийся в своей комнате на защелку.

— Договорились, — выдохнула я. — Спрашивать. А не решать.

Отец удовлетворенно кивнул, хлопнул ладонью по здоровому колену и потянулся к ботинкам:

— Вот и ладно. А компресс твой... давай сюда после ужина. Если не воняет на весь лагерь, намажем. Колено к ночи и правда ноет.

Он улыбнулся — открыто, тепло, как улыбался когда-то давно, когда брал меня семилетнюю на карьер собирать образцы полевого шпата.

Сзади зашуршала галька.

Мы оба обернулись.

По тропинке от леса спускался Олег. В руках он нес две толстые сухие сосновые коряги для вечернего костра. Он явно подошел только что, застав лишь самый конец нашего разговора — мои последние слова и отцовское согласие на мазь.

Олег остановился в пяти шагах, аккуратно сбросил дрова на землю у костровища и взглянул на нас. В его серых глазах не было праздного любопытства, но он мгновенно считал изменившуюся атмосферу между нами: опущенные плечи отца, мою прямую спину, повисшую паузу.

— Гречка готова, — сказал он ровным, спокойным тоном. — Кирилл зовет с мисками. Павел Алексеевич, подсобить подняться?

Отец посмотрел на него снизу вверх, оценил протянутую руку спасателя и усмехнулся:

— Сам управлюсь, Олег. Камень скользкий.

Олег не стал настаивать. Просто опустил руку, дождался, пока отец кряхтя, но уверенно поднимется на ноги, опираясь на палку, и пошел следом за ним к костру.

Я осталась у воды еще на пару минут. Сполоснула котелок, вымыла руки в ледяной воде, глядя на свое отражение в темном зеркале Сикко. Глаза были воспаленными, но взгляд стал другим — более трезвым, освобожденным от вечной диспетчерской лихорадки.

Когда я подошла к костру с полной миской горячей каши, народ уже рассаживался по бревнам. Виктор что-то увлеченно рассказывал Кириллу про налоговые вычеты, Соня перебирала кадры на камере, отец устроился рядом с ними, довольно подкладывая в свою тарелку жареные грибы.

Свободное место оставалось только на дальнем краю поваленной сосны, возле Олега.

Я подошла, села на сухое бревно, пристроив миску на коленях. Дым от костра тянуло в нашу сторону — горький, смолистый, пахнувший берестой и сухим можжевельником.

Олег ел молча, сосредоточенно, орудуя походной ложкой с той экономной быстротой, которая свойственна людям, привыкшим перекусывать между выездами. Дождался, пока Виктор повысит голос, споря с гидом, и негромко, так, чтобы слышала только я, произнес:

— Я на базе, на веранде, был неправ, Марина.

Я замерла с ложкой в руке, повернула к нему голову.

Он смотрел прямо перед собой, на пламя костра. Профиль его в неровном свете казался резким, глубокая складка у рта обозначилась четче.

— Вы о чем? — спросила я.

— О рюкзаке. И о том, что вы его душите. — Голос Олега звучал глухо, без тени оправдания, предельно прямо. — Я влез со своими оценками, ничего не зная о вас. Увидел знакомую картинку и решил, что имею право выставить диагноз. Это была грубость. Прошу прощения.

Я смотрела на его руки, державшие пустую миску. Крупные, обветренные, со старыми белыми шрамами на костяшках.

Мужчины такого склада редко извиняются. Обычно они либо делают вид, что ничего не произошло, либо переводят всё в шутку, либо отгораживаются снисходительным молчанием. Но Олег не прятался за снисходительность. Он признал ошибку так же, как признавал неверно выбранную тропу: сухо, спокойно, зафиксировав факт. Без попытки сгладить углы, без заигрывания, не требуя от меня немедленного «да ладно, ничего страшного».

И именно это вызвало у меня ответную, неожиданно глубокую волну уважения.

— Вы попали в точку, Олег, — ответила я, глядя, как отец у костра протягивает Виктору заварку. — В самую середину. Просто форма была... колючей. Но по сути вы были правы.

Олег повернул лицо ко мне. Серые глаза встретились с моими в отблесках огня.

— Быть правым и иметь право лезть — разные вещи, — сказал он негромко. — Я это по службе знаю. Иногда спасатель бросается вперед раньше времени и только заваливает конструкцию.

— Вы сегодня с Соней не бросились, — заметила я.

Уголок его рта едва заметно дрогнул:

— С вашей подачи, Марина. Вы утром у костра так на меня посмотрели, что я чуть через таганок не перецепился.

Я сдержала улыбку, опустив глаза в свою миску:

— Профессиональный взгляд хирурга. Действует безотказно даже на крупных хищников.

— Заметно, — отозвался он, и в его голосе появилось что-то теплое, живое, снимающее дистанцию.

Он встал, забрал свою посуду и пошел к озеру мыть миску песком. Шел легко, пружинисто, широко расправляя плечи.

Я проводила его взглядом. В груди больше не было той давящей, удушающей тревоги, с которой я выходила из автобуса на стартовой базе. Она не исчезла совсем — страх за отца остался, колено оставалось опухшим, а впереди было еще шесть дней тяжелой тайги.

Но правила изменились.

Я посмотрела на отца, который уже доставал из кармана свой эластичный бинт, готовясь к компрессу. Он не был моим пациентом. Он был моим отцом — упрямым, стареющим, сво-

бодным человеком, который имел право пройти этот путь до конца или сойти на четвертый день, если решит сам.

А моя задача была совсем другой. Не дотащить его до финиша на закорках, не сдать целым в райцентр, как посылку с хрупким стеклом.

Моя задача была — просто идти рядом. Пока он позволяет идти.

Глава 7

Марина

К шести утра туман над озером Сикко осел на мох тяжелой, ледяной росой. Воздух был чистым и колким, пахло выставшим камнем, прелой хвоей и дымом от вчерашней березовой растопки. Вода в гранитной чаше стояла неподвижно, темная, как деготь, отражая выбеленное рассветом небо.

Кирилл поднял лагерь без криков, резким перестуком походного топора по сухому сосновому комелю.

— Подъем, группа! — донеслось от костровища. — Завтрак через двадцать минут. Сегодня выходим плотно: впереди самый длинный ходовой кусок до контрольной дороги. Девятнадцать километров по хребту. Нам нужно встать на реке Верхняя Шуя засветло.

Я выбралась из спальника, чувствуя, как вчерашние моренные гряды отозвались в теле глухой, тянущей ломотой. Мышцы бедер затекли, ладони после мокрых веревок саднило, но голова была ясной. Вчерашний разговор с отцом на скале словно снял с затылка чугунный обруч. Мы оба спали спокойно.

У костра уже шумел большой десятилитровый кан. Кирилл выставил на плоский валун старый пружинный безмен с медной шкалой и раскладывал групповые продукты. За два дня мы изрядно подъели крупы и сухари, объем в дежурном бауле уменьшился, и теперь гид выравнивал баланс между участниками.

— Мужики, разбираем железо, — скомандовал Кирилл, выставив в ряд пять тяжелых жестяных банок тушенки и пару пакетов с сухим молоком. — Хребет сегодня сыпучий, курумник живой. Если я потащу весь общак сам, то на перевале лягу. Кто готов догрузиться?

Виктор виновато потер поясницу, глядя в землю: шестьдесят лет и офисная работа давали о себе знать, он и без того тяжело дышал на каждом затяжном подъеме. Соня сидела поодаль на бревне, застегивая плотный чехол длиннофокусного объектива, и делала вид, что полностью поглощена настройкой видеоискателя.

Отец шагнул вперед первым. Его правое колено после вечернего компресса выглядело лучше, отек немного спал, но двигался он с той подчеркнутой, нарочитой бодростью, за которой пожилые люди обычно прячут ноющую боль.

— Давай мне пару банок, Кирилл. В нижний отсек войдут, брезент выдержит...

— Пап, подожди.

Я подошла к валуну, перехватив его руку у самого консервного ряда. Сделала это мягко, без вчерашней резкости, помня наш уговор.

— Кирилл, отдай три банки мне. И молоко заберу. У меня клапан пустой, рюкзак анатомический, пояс сидит жестко, вес ляжет на таз, а не на плечи.

Отец нахмурился, в серых глазах мелькнула колючая вспышка, но спорить он не стал — только сухо поджал губы и отошел к своей кружке.

Кирилл посмотрел на меня с сомнением:

— Марина, это почти четыре килограмма к твоему комплекту. Ты уверена? Девушкам лишний вес на хребте ни к чему.

— Я не девушка, Кирилл, я оперирующий хирург. Семь часов на ногах в свинцовом фартуке у рентген-дуги — обычная смена. Загружай, дойду.

Это была чистая, незамутненная гордость. Та самая въевшаяся в подкорку привычка: быть полезной, быть сильной, не создавать никому проблем, забрать лишнее себе, чтобы потом никто не посмел упрекнуть меня в слабости. Я аккуратно распихала тяжелые банки по карманам и на дно клапана, защелкнула фастексы и затянула компрессионные стропы. Рюкзак налился плотной, свинцовой неподвижностью.

Олег стоял в пяти шагах у сосны, методично утягивая свой громадный станковый баул. Он видел весь этот короткий торг от первого до последнего слова. Ничего не сказал, не стал перебивать гида и не попытался вырвать тушенку у меня из рук. Только его серые глаза на секунду задержались на моих плечах, оценивая прогиб поясничной подушки, после чего он закинул свой мешок за спину одним скупым, привычным движением.

Вышли в восемь.

Первый час тропа вела нас через сухой сосновый бор. Под ногами пружинила подушка из рыжих игл и ягеля, воздух пах нагретой смолой, и шагалось легко. Мы шли мерно: Кирилл задавал темп, за ним пыхтел Виктор, потом Соня с фотоаппаратом на шее, отец, я и замыкающим — Олег. Лишние четыре килограмма напоминали о себе лишь тем, что лямки врезались в ключицы чуть глубже обычного, но я только поправляла грудную стяжку и держала шаг.

А к одиннадцати часам сосны расступились.

Тропа резко пошла вверх и вывела нас на каменистую гриву хребта. Лес остался внизу, в сизой дымке, а впереди открылся бесконечный, безжалостный курумник — хаос из вывороченных плит, угловатых гранитных валунов и мелкой, сползающей под ногами щебенки.

Здесь тропы как таковой не было. Кирилл шел по каменным турам — сложенным пирамидкам из голышей, выискивая наиболее пологие проходы. Каждый шаг требовал предельной концентрации: наступать можно было только на центр камня, предварительно проверив его острием трекинговой палки. Наступишь на край — плита качнется, со скрежетом уйдет из-под подошвы, увлекая за собой сухую осыпь.

Солнце поднялось в зенит, раскалив серый гранит. Ветра на плато почти не было — лишь редкие, горячие порывы, которые не приносили прохлады.

Вот тут мой рюкзак превратился в пыточный снаряд.

Те четыре килограмма тушенки, которые утром казались пустяком, теперь тянули назад на каждом шаге вверх. Центр тяжести сместился. Чтобы не заваливаться на живых камнях, приходилось наклонять корпус вперед сильнее, чем обычно. Мышцы шеи свело судорогой, трапеции горели так, будто под кожу насыпали битого стекла. Пальцы рук онемели от передавленных лямок сосудов.

Я задыхалась. Воздух казался слишком сухим, горячим, вдох застревал где-то на уровне гортани. Пот заливал глаза, щипал веки солью, но снять руку с рукоятки палки было страшно — я боялась потерять равновесие на подвижном сланце.

«Держи темп, — долбило в висках молотом. — Сама вызвалась. Сама сказала: справлюсь. Не вздумай ныть перед группой».

Дистанция между мной и отцом начала увеличиваться. Сначала на три метра, потом на пять. Отец шел медленно, берег ногу, но его шаг был стабильным, как работа метронома. А я начала частить. Стоило сбить ритм, как икры налились свинцом, в коленях появилась предательская дрожь.

— Привал десять минут! — донесся спереди голос Кирилла. — Пьем воду, проверяем шнуровку!

Группа повалилась на плоский гранитный уступ у крошечного ручья, сочившейся из трещины в скале. Виктор сидел на камне, расстегнув ворот рубашки, жадно ловя ртом воздух. Соня прислонилась к валуну, глядя в сторону синееющих на горизонте сопок.

Я подошла к краю полки и просто привалилась спиной к отвесной гранитной стенке. Сил снять рюкзак не было: я понимала, что если сейчас расстегну поясной замок, то обратно эту машину одна уже не заброшу. Ноги мелко подрагивали. Я засунула большие пальцы под лямки, оттягивая ткань от растертых ключиц, и закрыла глаза, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Сердце колотилось в горле, гулко и аритмично.

Рядом послышался сухой хруст щебня.

Я открыла глаза. Передо мной стоял Олег.

Он даже не запыхался. Стоял прямо, чуть расставив ноги, опираясь на свои палки. Серые глаза под выгоревшими бровями смотрели внимательно, спокойно и трезво. Он не разглядывал меня с праздным любопытством — он считывал симптомы: синюшный оттенок губ, побелевшие костяшки пальцев на лямках, мелкую дрожь в коленях и ту тяжелую, загнанную одышку, которую невозможно скрыть.

— Помочь? — спросил он.

Голос прозвучал негромко, без тени насмешки или превосходства.

Внутри меня мгновенно вскинулась старая защитная броня. Та самая гордость женщины, которая привыкла вытаскивать себя и других из любых передраг в одиночку. Признать перед этим мужчиной, что я переоценила силы, казалось почти катастрофой.

— Нет, — выдохнула я, через силу распрямляя спину. — Всё нормально. Просто подъем затяжной.

Олег помолчал секунду. Взгляд его остался совершенно ровным. Другой бы на его месте начал снисходительно усмехаться, учить жизни или настырно тянуться к моим пряжкам, доказывая, что он сильнее и лучше знает, что мне нужно. Но Олег не сделал ни единого лишнего движения.

Он просто услышал мое «нет». И принял его. Без спора, без обиды, без попытки сломать мою границу.

— Понял, — спокойно отозвался он. Полез в нагрудный карман штормовки, достал плотный герметичный пакетик и протянул мне две сушеные кураги: — Сахар подними. Через сорок минут будет седловина, там потянет низовой сквозняк, дышать станет легче.

Я взяла сухофрукты. Кончики его пальцев коснулись моей ладони — сухие, горячие, твердые от вьезшихся мозолей.

Олег кивнул и отошел к ручью, не оглядываясь, оставив меня наедине с моим выбором.

Я жевала сладкую, пахнущую солнцем курагу, глядя на его широкую прямую спину, и чувствовала, как под ребрами отпускает глухой, злой спазм. Он не стал давить. Он дал мне право на собственное упрямство и собственную усталость. В этом спокойном уважении к чужому отказу было столько мужской силы и надежности, что в груди стало тесно. Не показной, не героической — настоящей.

— Под рюкзак! — крикнул Кирилл, защелкивая рацию на плече. — До обеденного привала два километра по гребню. Держим строй!

Следующие два километра превратились в вязкий кошмар.

Ветер действительно поднялся, но он дул рваными, боковыми ударами, раскачивая верх рюкзака. Камни на гребне стали острее, тропа петляла между трещинами. Я шла, глядя только под ноги, считая шаги: раз, два, три, четыре... На сотом шаге зрение начинало плыть, серые плиты сливались в сплошное мутное полотно. Правая нога оступилась на живом гольше, камень с сухим стуком ушел вниз по склону, и меня мотнуло вбок. Я удержалась только чудом, намертво вогнав наконечник палки в расщелину.

В висках стучала холодная, отчетливая мысль: «Еще полчаса — и ты подвернешь голеностоп. Сломаешь лодыжку на этих плитах. И тогда четверо мужиков будут вязать носилки из палок, Кирилл включит аварийный спутниковый маяк, отца сорвут с маршрута, а спасти тебя будет Олег. Ты этого хочешь? Доказать всем, какая ты железная, ценой всей группы?»

В операционной я бы выгнала ассистента, который с дрожащими от усталости руками полез бы шить крупный сосуд. Потому что это не стойкость. Это преступная глупость.

Когда Кирилл наконец вывел группу на широкую, защищенную скальным выступом террасу и скомандовал полуторачасовой обеденный привал, я уже знала, что сделаю.

Я сбросила рюкзак. Тяжелый мешок рухнул на сухой ягель с глухим стуком железа. Плечи обожгло так, словно с них содрали кожу вместе с тканью футболки. Я выпрямилась, преодолевая тошнотворное головокружение, вытерла рукавом мокрый лоб и пошла прямо к Кириллу.

Он сидел на бревне-плавнике, раскладывая карту и газовую горелку. Рядом отец расправлял шерстяные носки. Виктор пил воду из фляги. Олег чистил форсунку второго примуса.

Все были здесь.

Я подошла вплотную, чувствуя, как внутри всё сжимается от унижительного, дурацкого стыда. Признаться вслух, перед всеми, что ты не тянешь — для меня это было равносильно публичному расписному заявлению о собственной профнепригодности.

— Кирилл, — сказала я. Голос прозвучал хрипло, но достаточно громко, чтобы все замолчали.

Гид поднял голову:

— Да, Марина?

— Я утром переоценила свои плечи. Забери у меня тушенку. И молоко. Все четыре килограмма.

На террасе повисла тишина, нарушаемая только шипением разгорающегося газа.

Виктор замер с недопитой флягой. Отец медленно поднял глаза, и в его взгляде я увидела неподдельное, ошеломленное изумление: он-то знал, с каким остервенением я всегда доказывала свою автономность.

Я ждала раздражения. Ждала, что Кирилл поморщится, скажет что-то едкое про «городских барышень», которые сначала хватают вес, а потом хнычут на перевале. Я приготовилась держать этот удар.

Кирилл посмотрел на мое серое лицо, на побелевшие пальцы, вцепившиеся в край куртки, и просто кивнул:

— Молодец, что сказала сейчас, на обеде, а не на вечернем спуске. Расстегивай клапан.

Он подошел к моему рюкзаку, достал банки.

— Виктор, у тебя килограмма полтора запаса есть? — спросил гид.

— Есть, Кирилл, — охотно отозвался тот, поднимаясь. — Давай банку, я после каши вообще налегке иду, спина отошла.

— Две банки и молоко давай мне, — раздался спокойный голос.

Олег подошел неслышно. Взял тяжелые жестянки, засунул в боковой карман своего баула и затянул стропу. Никаких комментариев. Никаких победных взглядов в мою сторону: мол, а я же говорил тебе два часа назад. Он действовал так, словно мы были двумя спасателями на разборе завала, где один передал другому тяжелый лом, потому что у него освободились руки.

— Спасибо, — тихо сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Это нормальная работа, Марина, — ответил Кирилл, зажигая горелку. — Маршрут идет, когда группа распределяет нагрузку по факту, а не упирается рогами из гордости. Если кто-то падает посреди тропы — встают все. Садись, сейчас суп сварим.

Я отошла к дальнему краю террасы и села на нагретый солнцем камень.

В теле была дикая, ноющая пустота, плечи гудели, но внутри... внутри стало удивительно просторно. Небо не рухнуло. Никто не посчитал меня обузой. Просьба о помощи оказалась не капитуляцией, а разумным способом сохранить общее движение. Я позволила себе не быть безупречной — и мир не развалился на куски.

После обеда идти стало несравнимо легче. Облегченный рюкзак сидел ровно, шаг выровнялся, дыхание вернулось к привычному ритму.

Тропа пошла на затяжной спуск к долине Верхней Шуи.

И вот там, на сыпучем склоне, поросшем карликовой березкой, я снова увидела отца.

Он шел впереди меня метрах в пятнадцати. Спуск по курумнику — самое подлое испытание для суставов: на подъеме мышцы работают на сокращение, а на спуске каждый шаг бьет в коленную чашечку всем весом тела и рюкзака.

Отец заметно сдал.

Он больше не пытался маскировать хромоту. Правая нога не сгибалась, он выносил ее вперед совершенно прямой, опираясь сразу на обе палки, перенося весь вес на левое бедро. Корпус перекосило. Перед каждым шагом с каменной ступени он замирал на секунду, собираясь с духом, и я видела, как вздрагивают его плечи под старым брезентом.

Сустав не выдерживал накопленного за три дня километража. Старая геологическая травма давала о себе знать.

Внутри меня мгновенно взвилась знакомая, слепая волна тревоги. Руки сами дернулись к карману, где лежал диклофенак. Мозг хирурга застрочил протоколами: остановить, усадить, снять рюкзак, зафиксировать сустав жестким ортезом, потребовать немедленного схода!

Я сделала два быстрых шага, сокращая расстояние между нами.

«Спросить, — ударил в память отцовский голос из вчерашнего вечера. — Ты просто спрашиваешь, нужна ли помощь. И если я говорю нет — отходишь в сторону».

Я замерла на каменной плите. Глубоко, через силу выдохнула горячий воздух. Сжала рукояти палок, заставляя себя унять внутреннюю панику.

Отец услышал шорох осыпи за спиной. Остановился, тяжело опираясь на палки, и медленно повернулся ко мне.

Лицо его было серым. Под глазами залегли темные круги, губы побелели от боли, по седой щетине струился пот. Он стоял, готовый защищаться, готовый к тому, что я сейчас наброшусь на него со своей медицинской правотой. В его глазах было столько глухого, упрямого отчаяния, что у меня сжалось сердце.

Я подошла на расстояние двух шагов. Не стала осматривать сустав. Не стала охать.

— Пап, — сказала я ровно, глядя ему прямо в глаза. — Привал нужен?

Отец вздрогнул. Напряжение в его плечах на секунду застыло, словно он не поверил своим ушам. Перевел дыхание, медленно опустил плечи.

— До реки километра полтора осталось, — глухо, с трудом разжимая зубы, ответил он. — Спуск пологий пошел, мох начался. Дойду сам, Марина. Медленно, но дойду.

— Колено сильно дергает? — спросила я без нажима.

Он помолчал, глядя под ноги, на серый гранит. На этот раз не стал отмахиваться и врать:

— Ноет. Стреляет при опоре. Но нога держит. До контрольной дороги я дойду совершенно точно. Завтра к вечеру будем у лесовозки. Там машина. Там и решим всё спокойно. Ладно?

— Ладно, — кивнула я. — Иди первым. Я держу дистанцию.

Отец посмотрел на меня с долгой, благодарной тишиной во взгляде. Ничего не сказал — только чуть заметно качнул головой и снова зашагал вниз по тропе, аккуратно выбирая опору для каждой ноги.

Я осталась стоять на плите, пропуская его вперед.

Он хромал. Это был факт, который нельзя было отменить или спрятать. Но эта хромота больше не была поводом для домашнего ареста. Она была честным пределом взрослого человека, который шел к своей последней дороге с открытыми глазами.

Сзади подошел Олег. Встал рядом, глядя вниз по склону, где между елями уже блестел перекат Верхней Шуи.

— Крепкий у тебя старик, — негромко сказал он.

— Геолог, — отозвалась я, глядя, как отец ставит палки в мох.

Олег чуть повернул голову и посмотрел на меня. В его сером взгляде было то тихое, надежное тепло, от которого внутри становилось спокойно и безопасно.

До контрольной дороги оставался ровно один день пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.